

АЛЕКСАНДРА
РОНИС

СИНДРОМ ОТМЕНЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александра Ронис

Синдром отмены

«Автор»

2021

Ронис А.

Синдром отмены / А. Ронис — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96127-2

Она ненавидит свою мать. За голодное, испорченное детство, за запрет общаться с отцом, за смерть брата. За алкогольную зависимость. Но и сама страдает от зависимости. Зависимости от человека, который подарил ей нормальную жизнь, но лишил надежды на взаимную любовь и счастливую семью. И если зависимость от алкоголя лечится, то зависимость от другого человека - нет. По крайней мере, она так думала. До того момента, когда ее любимому пришлось выбирать. Между ней и теми, кто отнял у нее все... История Димона (Дмитрия Калинина) из «Добро пожаловать в прошлое» и «Тот, для кого живу» Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96127-2

© Ронис А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александра Ронис

Синдром отмены

Пролог

Ссутулив усталые плечи, по лестнице поднимался мужчина. Ожидаемая картина разрухи давила к земле так, что казалось, он не смену отпахал на заводе, а месяц, без отдыха. В гнетущем предчувствии тревожно сжималось сердце. В подъезде стояла тишина, но это еще ничего не значило. Может, он просто опоздал и пропустил все самое интересное...

На третьем этаже, остановившись перед обшарпанной дверью, он сначала прижался ухом к грязному дерматиону с потускневшими от времени цифрами «5» и «3» и, ничего не услышав, со всей силы вдавил кнопку звонка. Мерзко крикнув раз-другой, тот резко оборвался. Тишина. А вслед за ней тревога растеклась по телу. Где они все? Где дети?

Мужчина снова попытался выжать из звонка хоть какой-то звук, но безрезультатно. И тогда он просто саданул по двери кулаком, вложив в этот удар всю свою обиду и отчаяние.

– Наташка! Открывай! – уже не думая о том, что подумают соседи, заорал он. – Открывай, тварь! Я знаю, что ты дома!

Ноздрей коснулся характерный запах из квартиры, и он окончательно озверел. Дверь задрожала под градом ударов.

– Сереж, – тихий, сочувствующий голос соседки, раздавшийся откуда-то позади, подействовал на него отрезвляюще, – перестань, детей напугаешь.

Услышав о детях, он сразу же перестал ломиться туда, где его не ждали.

– Простите, баба Вера, – с чувством глубокой горечи сказал он, опуская голову. – Но я так больше не могу, – казалось, силы остались только на то, чтобы не упасть.

– Папа!

– Папа!

Он вихрем крутанулся вокруг себя. Звонкие детские голоса моментально заставили его позабыть о себе и собственной усталости.

– Димка! Анютка! – опустившись на колени, он потянулся к детям, чьи чумазы, измазанные шоколадом, но довольные мордашки выглядывали из-за подола сердобольной бабули-соседки. – Слава богу, вы здесь! – едва сдерживая слезы, он зарылся лицом в мягкие детские кудряшки.

– На лестнице сидели, – с тяжким вздохом поведала ему баба Вера то, что происходило за время его отсутствия дома. – Проголодались. Меня увидели, хлеба просить начали.

Он заглянул в глаза сына и дочери. Веселые, радостные от встречи с ним, они еще не понимали, как же страшно им не повезло родиться у такой матери.

– Сереж, нужно что-то делать. Негоже детям в такой обстановке расти. Лечить ее надо.

– Не хочет она лечиться, баба Вера, не хочет, – вздохнул Сергей, выпуская детей из объятий, отмечая про себя их застиранную, не по погоде одежду. Несмотря на то, что на дворе стояла ранняя весна, и в подъезде было довольно прохладно, на ребятишках отсутствовала теплая одежда: лишь легкие домашние штанишки и футболки-маечки. – Не считает себя алко-голичкой.

В замке пятьдесят третьей квартиры щелкнуло. Дверь медленно, с натужным скрипом приоткрылась, и на пороге, едва держась на ногах, появилась Наталья, его жена. Сквозь тонкий трикотаж растянутой мужской футболки просвечивало голое тело, ниже пояса же ничего, кроме трусов, не было. Сергей потемнел лицом.

– О, – промычала когда-то любимая женщина, сквозь лохматые космы волос пыта-
ясь сфокусировать блуждающий взгляд на расплывающихся перед ней фигурах. – Вы где
ходите, дети? – выдала едва разборчивую фразу заплетающимся языком. – Домой зашли, ну-
ка, быстро, – не замечая мужа, она махнула рукой и, с трудом развернувшись в узкой прихо-
жей, поплелась вглубь квартиры, даже не удостоверившись, что дети идут за ней.

– Дима, Аня, побудьте пока у бабы Веры, – сквозь зубы обратился к сыну и дочке мужчина
и со сжатыми кулаками шагнул за порог, не забыв захлопнуть за собой дверь.

Эта сука его уже достала! Ни тепла, ни уюта в доме! За детьми присмотра нет! А ведь
Димке осенью в первый класс, и Анютке не помешал бы садик. Но нет, эта стерва, пока он на
заводе пашет, водяру хлещет – или с подружками или в одиночку! А потом спит без задних ног
до самого его прихода! И так каждый день! И все его попытки создать хоть какую-то видимость
порядка идут прахом!

Нет, все! Завтра же он подаст на развод и лишит жену родительских прав!

Глава 1

Пятнадцать лет спустя

Аня с отвращением оглядела комнату. Тусклый полумрак, облезлые крашенные полы, давно устаревшая мебель. На столе в центре комнаты следы недавнего застолья – на замызганной, местами прожженной скатерти вереница пустых бутылок вповалку с треснутыми стаканами, полное окурков блюдо в мутной и липкой лужице, из еды лишь надкусанные куски хлеба меж грязных тарелок. И мать в отключке валялась на диване в обнимку со своим очередным сожителем.

Под столом храпел еще кто-то, длинными ногами перегородив проход к спальне – месту, куда брат с сестрой не пускали ни мать, ни ее многочисленных собутыльников, крошечному островку чистоты и порядка в царившем бедламе. Чтобы попасть к себе в комнату, девушке пришлось перешагивать через валяющееся на полу тело, сдерживаясь от искреннего желания от души заехать ногой по почкам или по роже хоть одному из мамкиных алкашей. Напившись, они часто отпускали в ее сторону плоские и сальные шуточки, поэтому еще в детстве Аня приучила себя без брата в доме не находиться. Они все делали вместе – и пьяную мать укладывали спать, и отбивали ее от разошедшихся собутыльников, и выгораживали, как могли, перед участковым и органами опеки свою маленькую семью. Сначала им в этом помогал дед, имевший хоть какое-то влияние на непутевую дочь, но после смерти деда единственными защитниками друг у друга остались они сами. Отца Аня не помнила, а Димка не любил о нем говорить.

Вообще, Димка для нее был всем – и отцом, и братом, и другом. И она была очень рада, что его признали негодным к службе в армии, а иначе как бы она без него? Димка, не церемонясь, крыл матом и раздавал тычки и тумачи ошалевшим от водки мужикам, когда те только поворачивали голову в ее сторону. Димка зарабатывал деньги, как мог, и всегда следил за тем, чтобы она не осталась голодной, чтобы всегда была прилично одета, и чтобы никто не мог сказать о ней, что она дочь алкашки. И именно Димка постоянно напоминал ей о том, что бросать колледж не следует. Выучится на повара, всегда сможет найти работу. Не век же ей мыть полы вместо матери. Без него ей, конечно, пришлось бы туго.

И вот сейчас, брезгливо перешагнув через бесчувственного алкаша на полу, Аня вышла на балкон. Не хотелось находиться в комнате, пусть и своей, без брата. Лучше подождать его на свежем воздухе, наблюдая за тем, как на город постепенно опускается ночь, чем вдыхать алкогольные пары недавней попойки. Усевшись на наружный подоконник, она закинула ноги на перила и, вытащив из кармана джинсов сигарету и зажигалку, с наслаждением закурила. Брат закрывал глаза на эту ее маленькую слабость.

Странно, Димка обычно приходил раньше нее, и они вместе готовили ужин, а сегодня он что-то задерживается... Ах да, у него на сегодня же назначена «стрелка»! Несмотря на то, что оба понимали, насколько пропащий человек их мать, они не могли допустить, чтобы об этом во всеуслышание говорили другие. А таких было немало.

Вот и вчера, в который раз, Димка сцепился с дворовой шпаной из-за их поганных слов о матери, и на сегодня были назначены окончательные разборки. Аня советовала ему забить на все, но Димка был не такой. Не мог он простить себе, что никак не может повлиять на нездоровую зависимость матери и разогнать всю ее компашку ко всем чертям. Вот и злился на любого, кто тыкал этим ему в глаза.

Затушив сигарету о деревянный обломок перил, Аня кинула бычок в жестяную банку-пепельницу, стоящую на полу, и с тревогой всмотрелась в быстро густеющие сумерки. Брата не видно, зато откуда-то издалека отчетливо слышен топот бегущих ног, рождающий в душе непонятное волнение.

– Анька! – не добегая до балкона, истошно заорал на весь двор соседский подросток Антон, и она вздрогнула от испуга. Внутри словно взрыв случился. – Анька! Там Димка лежит! Не дышит! Убили его!

Казалось, сердце ее остановилось в ту же секунду. Не чуя под собой ног, не дыша, Аня бросилась в комнату, помчалась к двери, полетела вниз по лестнице. Не помнила, как пересекла двор вслед за Антоном. Пришла в себя только в темной подворотне, где уже собралась кучка людей вокруг чего-то жуткого в углу. В лучах подсвечивающих место трагедии смартфонов она увидела на земле его, Димку.

Брат, ее единственная надежда и опора, лежал с открытыми глазами в луже крови, натекавшей из-под его головы, бесстрастно взирая на молчаливую толпу, на готовую сорваться в крик Аню. Неподалеку валялся увесистый булыжник со следами волос и крови.

– Скорую! Вызывайте скорую! – закричала она, не обращаясь ни к кому конкретно, а сама, упав на колени, затрясла Димку за его обессиленные плечи, пытаясь разглядеть в потухших глазах хоть капельку жизни. – Дим! Дима-а-а! – орала дико и не слышала себя.

Все остальные события поглотила полутьма беспамятства. Аня почти не помнила, как ее отрывали от Димки, как укладывали брата в черный полиэтиленовый пакет, как увозили его от нее все дальше и дальше. Деревянное тело на автомате двигалось, делало вид, что реагирует на расспросы полиции и слова соболезнований знакомых, соседей, но только делало вид. Все, чего от нее добились стражи порядка, это невнятные, малоинформативные для них фразы «да», «нет», «не знаю», «не помню» и слабые, через силу, кивки на вопрос: «Девушка, вы меня слышите?». Поняв, что от нее ничего не добиться, в руки ей сунули бумагу с адресом районного отдела полиции и, передав на попечение семейной пары из ее подъезда, отправили домой.

– Мама...

Как во сне опустилась Аня на колени перед диваном, где все в той же позе, под боком у храпящего сожителя, так же шумно спала мать. Засаленный халат с запахом задрался, обнажив худые, в венах и синяках ноги в рваных, давно не стиранных носках. Грязные, нечесанные волосы падали на бледное, испитое лицо матери, тонкими сосульками закрывая от дочери лоб и глаза. Даже резко вспыхнувший свет не смог пробиться сквозь их слипшиеся пряди.

– Мама! – Аня изо всех сил принялась расталкивать мать, чувствуя, как жгучие слезы начинают печь изнутри глаза. Больно! Как больно! – Мама! Ма-ма!

В ответ на маловразумительное мычание она еще сильнее затрясла родительницу, не замечая, что голова той начала биться о подлокотник дивана.

– Ма-ма! – что есть мочи заорала Аня, совершенно ослепнув от слез. Больно теперь было не только глазам. Словно что-то тяжелое, страшное, голодное, злое рвалось наружу, пробудившись от долгого сна. Повинуясь этому новому, жадному чувству, не осознавая, насколько оно опасно, Аня вскочила на ноги и с силой пнула по дивану. – Да проснись же ты, сука!

Результата ноль. Лишь проводившие Аню соседи, о которых она уже забыла, испуганно переглянулись друг с другом.

– Сука! – прорычала Аня и, яростно смахнув рукавом слезы с глаз, бросилась в кухню. Споткнувшись о растянувшегося на полу алкаша, грязно выругалась, но не прекратила свой бег. Схватив первую попавшуюся под руку посудину – электрический чайник, сунула его в раковину и резко крутанула «барашек». Вода с шумом ударила в дно.

Уже через минуту соседи наблюдали за тем, как непохожая на саму себя Аня подскочила к матери и опрокинула весь этот чайник на нее. Прямо в лицо.

– Анечка, что ты делаешь? Перестань, – растерянный, ласковый голос, каким пытались остановить разошедшуюся девушку соседи, растаял в воздухе без следа.

Аня повторила маршрут еще три раза, прежде чем мать подала хоть какие-то признаки пробуждения. Не дожидаясь, пока та окончательно проснется, Аня рванула ее за руку, вынуждая принять сидячее положение.

– Ты меня слышишь?! – закричала она в лицо той, которую до сегодняшнего дня, несмотря ни на что, все равно любила. – Да проснись же ты! – затрясла ее с новой силой. – Проснись!

– Че н-надо? – промычала мать, даже не пытаясь сфокусировать взгляд на дочери. Сидела, покачиваясь, тяжело открывая и закрывая глаза.

– Мама, Димочка умер, – прошептала Аня, вновь опускаясь перед диваном на колени и заглядывая матери в лицо. – Его убили...

Затянувшееся молчание, полное скорби сестры по убитому брату, а потом реакция матери на смерть сына – словно чирканье спички в загазованном помещении.

– Да пошел он на х*й! – с чувством выдала недо-мать, и Аню снова обожгло болью. Спичка вспыхнула, она живьем горела в аду.

– Сука! – не помня себя, завопила она. Чайник в руке взлетел и опустился на голову матери, потом еще и еще. Когда его вырвали из рук, она заколотила кулаками. Когда попытались обездвигить, в исступлении молотила ногами. И орала. От боли и ненависти. От горя. От жалости к брату. Когда не осталось сил, просто завывала.

Глава 2

Высокий, темноволосый мужчина лет тридцати шел по широкому коридору ОВД «Хорошево», едва заметным кивком отвечая на приветствия шедших ему навстречу сослуживцев. Нахмуренные брови над глубоко посаженными глазами, сосредоточенный взгляд подсказывали подчиненным, что прямо сейчас к нему соваться с какими-либо вопросами не стоит – не в том он настроении, да и время уже позднее. Если уж только совсем что-то важное и неотложное...

Подойдя к одной из дверей в самом конце коридора, он на секунду задержал взгляд на табличке, украшающей ее – «Калинин Дмитрий Андреевич, начальник уголовного розыска», – и, повернув ключ, вошел в кабинет. Поморщился, глядя на заваленный бумагами и папками стол, затем достал из кармана форменных брюк пачку сигарет и, подойдя к окну, закурил.

За время его работы в отделе хозяин кабинета менялся несколько раз. Сначала на смену ушедшему на пенсию Васильичу начальником УГРО Шведов поставил молодого опера Сашу Воронова. Спустя несколько лет, после перевода Константина Николаевича в вышестоящую контору, Воронов по его протекции стал начальником ОВД, а розыск возглавил Влад Демидов. Однако в этом кресле он продержался недолго, по нелепому стечению обстоятельств, оказавшись в тюрьме, после чего, после череды других краткосрочных назначений, начальником оперов назначили его, Калинина. Просторный кабинет с кожаными диванами и полированным столом для переговоров был мечтой любого опера, и вот уже более трех лет он находился в его полном распоряжении. Только в придачу достались и неисчислимые документы вкупе с нескончаемыми отчетами по различным поводам.

За окном вовсю бушевало лето, а в этих стенах оно совсем не ощущалось. Вот и сейчас черная «ауди» переливалась в лучах заходящего солнца, безропотно ожидая своего хозяина. В другой день Калинин бы потушил сигарету и, усевшись за стол, принялся перебирать бумаги, однако на сегодня неофициальное «дежурство» отменялось. В кои-то веки объявился Воронов и «протрубил» сбор. И, судя по его всерьез озабоченному голосу, проблема была нешуточной – давно Калинин не слышал столько беспокойства во всегда уверенном басы бывшего начальника.

Сделав очередную затяжку, майор глянул на часы – до встречи оставалось около часа. Он не спеша докурив сигарету почти до самого фильтра, с неприязнью покосился на груды папок на столе и, прежде чем приступить к ее разбору, долго тыкал окурком в прозрачную пепельницу. Налил себе воды из графина, стоявшего тут же на столе, и только потом, внутренне махнув на поджигающие сроки, в две руки сгреб папки и запер их в сейф. Завтра разберу, решил он, а на сегодня достаточно. И так слишком шумный был день, слишком суетный – можно сказать, двери обезьянника не запирались. И как он мог наблюдать по пути из кабинета в дежурку, не пустовал он и сейчас.

В самом дальнем углу, чуть ли не забившись под лавку, прямо на полу сидела фигура. Женская, если судить по прическе, хотя сейчас, в век унисекс, некоторые парни выглядят как девушки. Сидела да сидела, у них, бывает, в обезьяннике и на полу валяются, в отключке или беспамятстве. Его уже ничем не удивишь. Но эта фигура привлекла его внимание тем, что неожиданно начала биться головой о стоящую позади нее лавку, тихонько подвывая.

Калинин уже собрался сдать ключ дежурному, но при неожиданном звуке отвлекся – рука с повисшим на пальце ключом зависла в воздухе. Вой в обезьяннике был редким явлением – гораздо чаще здесь орал и громко матерился.

Наркоманка, что ли, во время ломки?

Майор подошел к решетке и несколько секунд наблюдал за фигурой и ее телодвижениями.

– Кто такая? За что ее? – поинтересовался он, вернувшись к «аквариуму» дежурки и наклонившись к окошку.

– Да вот привезли – с матерью подралась, еле наши разняли. Грозилась убить родительницу, – с готовностью ответил дежурный, заставив начальника оперов вновь с удивлением взглянуть на девушку.

Надо же, такой фестиваль закатила! А по виду не скажешь... Хрупкая вроде... Джинсы в обтяжку, легкие кроссы, обычная футболка – рядовая, законопослушная гражданка.

Старлей между тем, понизив голос, с едва заметным сочувствием добавил:

– Брата у нее сегодня убили, а мать – алкашка, пофиг ей.

Калинин в третий раз пригляделся к девушке, уже по-иному.

Опухшие глаза, растрепанные волосы... Царапины на носу и щеках... У человека горе, оттого и трясет ее так, и тихий плач льется из груди.

– Открой, – майор кивнул на обезьянник и все то время, пока дежурный гремел ключами и скрипел решетчатой дверью, не спускал глаз с девушки.

Она же его совсем не замечала. Все так же раскачивалась на месте, невидящим взглядом уставившись куда-то сквозь прутья решетки.

– Иди за мной, – бросил он ей, когда она наконец обратила на него внимание. Развернувшись, он направился по уже давно знакомому маршруту, не озаботившись тем, следует за ним девчонка или же нет. Ему хватило полминуты, чтобы понять, что задержанная еще очень юна – лет семнадцать, не больше. Жалко ее стало. Девчонка совсем, а уже и с мамашей не повезло, и с братеньником тоже. Вернее, братеньнику не повезло. От слова «совсем».

У двери в кабинет он обернулся. Девчонка была еще в самом начале коридора и жутко робела. Это было понятно по ее неуверенной черепашьей походке и напряженному взгляду, которым она прямо-таки вцепилась в него.

– Не бойся, – крикнул он ей, – мы просто поговорим.

Распахнув дверь, он замер в ожидании.

Приблизившись к нему, девчонка обдала его подозрительным взглядом, но при виде надписи «начальник уголовного розыска» слегка расслабилась.

Пропустив ее перед собой, Калинин закрыл дверь.

– Ну, рассказывай, что случилось? Почему с матерью сцепились? – устроившись за столом и, жестом указав девчонке на стул напротив, спросил он.

Пряча взгляд, она как-то неуклюже пожала плечами и шмыгнула носом. На щеках блеснули не до конца высохшие дорожки слез.

– Давай рассказывай, – поторопил он ее, уже начиная жалеть о том, что вообще обратил на нее внимание. Времени до встречи с Вороновым оставалось все меньше. – Что произошло? Действительно с матерью подралась?

Та наконец кивнула и, скрючившись на стуле в позе зародыша, тихо и протяжно заныла.

Майор шумно выдохнул и потянулся за графином. Там все еще оставалась вода, и чистые стаканы имелись.

– На, выпей, – подошел он к ней со стаканом в руке. – Выпей и успокойся.

Девчонка все так же продолжала рыдать, уткнувшись лицом в колени.

– Слушай, у меня мало времени, – слегка раздраженно сказал он, – и если тебе не нужна помощь, то иди реви дальше в обезьянник.

Как ни странно, но грубость на нее подействовала. Она выпрямилась, все еще громко всхлипывая, и, утирая слезы с лица, приняла из его рук стакан. Кинула на него быстрый взгляд и вновь отвела глаза.

Пока девчонка жадными глотками пила воду, Калинин внимательно ее изучал. Раскрасневшееся от рыданий лицо, которое через некоторое время станет бледным, под стать белокурым волосам (с такой кожей обычно не загорают, а лишь краснеют на солнце), нынче опухшие

серо-голубые глаза, слегка удлинённый нос, аккуратные губы. Впечатление портила массивная нижняя челюсть – если бы не она, то девчонку вполне можно было назвать симпатичной.

– С матерью зачем дерешься? – спросил он, когда заметил, что она уже давно выпила всю воду и, держа стакан на весу, в ответ изучает его. – И частенько вы так отношения выясняете?

– Она мне не мать, – с чувством буркнула девушка, возвращая ему стакан и вытирая остатки влаги с губ тыльной стороной ладони.

– Чего так? – Калинин вернулся на свое место.

– Пьет потому что не просыхая, – в глухом голосе девушки слышалась затаенная ненависть. – Сколько себя помню, вечно бухая была. Сука!

– Отец где?

– Нет отца, – передернула плечами девчонка. – Был да сплыл, когда я еще маленькая была.

– Лет тебе сколько? Звать тебя как?

– Аня. Мне девятнадцать, – она приосанилась, как будто догадалась о том, что он ей дал немного меньше, – скоро будет. В следующем месяце.

– С братом что? – он предполагал, что вопрос вызовет новую порцию слез, поэтому, когда ее лицо вновь скривилось, просто вытащил из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. Пока она проревеется, он успеет покурить. Хотя время не зря пройдет.

– Можно мне тоже? – спустя пару минут всхлипываний услышал он и, удивленно приподняв бровь, кинул ей через весь стол пачку. Следом по столу заскользила зажигалка.

Аня дрожащими руками выбила из пачки сигарету, прикурила. Закашлялась поначалу, но уже через две-три затяжки втянулась, задыхалась ровнее.

– Ненавижу ее! Сука, это из-за нее брат погиб. А ей все равно, бухает дальше. Лучше бы ее убили, мы бы хоть спокойно жили без нее, – в сердцах бросила она, разгоняя рукой скопившийся перед лицом дым.

– Девятнадцать лет, большая девочка, можно уже и отдельно от мамы жить.

– Да я давно так хотела. Уйти и квартиру снимать. Это Димка не хотел ее бросать, – ее голос снова задрожал, но она справилась, лишь выдохнула едва слышно: – А теперь и Димки нет.

– Работаешь?

– В колледже учусь, на повара, – на кончике ее сигареты снова расцвел красный цветок. – Стипендии на съем не хватит.

– Домой сегодня пойдешь? – Калинин посмотрел на часы – пора выдвигаться на встречу.

Аня мотнула головой – нет.

– Ладно, – он поднялся, за ним вскочила и девушка. – Сегодня перекантуешься здесь, дежурный тебя устроит, завтра посмотрим, что с братом твоим, и заодно решим, что с тобой делать.

Глава 3

Они встречались в их излюбленном месте – заброшенный мостик над пересохшей речушкой на задворках района. По непонятной причине этот укромный уголок оставался без внимания местной шпаны, наркош и забулдыг. Возможно, из-за того, что здесь практически отсутствовала растительность, в жару было не спрятаться в тени от солнца, в непогоду же здесь отчаянно дуло. Подъездные пути к мосту просматривались хорошо, поэтому можно было без опасений обсуждать щекотливые и скользкие темы – никто не подберется незамеченным, не услышит того, чего посторонним слышать не положено.

Калинин приехал без опозданий, раньше Воронова. Еще издалека он заметил одинокую фигуру у поручней моста, в которой без труда узнал Демидова. Саня позвал на встречу Влада? Неужели снова возвращаются деньки, когда они командой «делали дела»? И довольно успешно, надо сказать – у Воронова к щепетильным, но прибыльным темам был прямо талант.

Он и сам будет рад увидеться с Владом, перекинуться парой слов о жите-бытье. Давненько они не пересекались. С полгода уже, если не больше. Последние их встречи были прошлой зимой, когда Влад замутил целую схему, чтобы выбить липовое признание из одного отморозка, тем самым отправив за решетку другого, избившего его «неверную благоверную». Конечно же, Влад отблагодарил потом всех задействованных в «операции» лиц, но после на приглашения посидеть в компании отвечал отказом. Либо чувствовал себя некомфортно среди действующих оперов, либо и вправду был занят другими делами. Скорее всего, первое...

При мысли о том, в какое крутое пике сорвалась жизнь, а вместе с ней и карьера Влада, Калинин даже головой покачал. Это же надо было учудить такое – связаться с малолеткой, грохнуть из-за нее пару дебилов, втрескаться в нее по уши, заделать ребенка, расписаться с ней в СИЗО, а потом получать сообщения о том, что ненаглядная женушка без него гуляет, пока он из-за нее срок мотает. И ведь сейчас они вместе. По крайней мере, живут в одной квартире. Ну а че? Молодая была, глупая, наверное, сейчас поумнела. Нет, Калинин для себя из этой истории вывел одно правило – с малолетками не связываться, ни-ни. Даже если ты и холостой после развода.

– Давненько не виделись, – действующий майор с чувством похлопал по плечам бывшего майора. – Как оно? Как жизнь?

Ему сразу же бросилось в глаза то, насколько изменился Демидов, причем в лучшую сторону. Посвежел, стал спокойнее, как будто счастливее, что ли. Да, бизнес все-таки не идет ни в какое сравнение со службой – что бы там ни говорили, но режим «двадцать-четыре-на-семь» это все же больше про него, а уж если по доходам сравнивать да по проверкам всяким, то, однозначно, на вольных хлебах спится дольше да крепче. Ну и если в семье покой и взаимопонимание, то это вообще верхушка счастья. Ему, к сожалению, с этим не повезло. Его семейная лодка не выдержала напора стихии оперской работы.

Рев двигателя в облаке дорожной пыли помешал Калинин у убедиться в правоте собственных догадок насчет Демидова. Ему даже показалось на миг, что джип Воронова несется к ним как-то нервно, юля задом по пыльной дороге. Обменявшись с Владом тревожным взглядом, майор замолчал, ожидая прибытия полковника.

Саша выскочил из машины, едва заглушив двигатель. Слишком сильно захлопнул дверцу. Поздоровался как-то отрывисто, невнятно, заменив слова приветствия крепким и резким рукопожатием.

– Что-то случилось? – не стал тянуть время Влад, спросил еще тогда, когда руки Саши и Димы висели в воздухе. – Чего на измене весь?

Воронов бросил на них беглый взгляд и вместо ответа устремился к перилам мостика, туда, где до этого стоял Влад, словно там, на линии горизонта надеясь найти ответ на мучавший его вопрос.

– Сань, – снова переглянувшись с Димоном, озабоченным голосом позвал Влад. – Проблемы? Помощь нужна?

– Блин, мужики, не знаю, может, и не проблема вовсе, – Воронов порывисто развернулся, заговорил быстро взволнованным тоном. – Или же проблема, но только моя... А может, и наша общая... – потянувшись рукой во внутренний карман кителя, он вытащил оттуда скомканный лист бумаги. – Вот, Юльке моей под дворники засунули...

Калинин рывком вырвал из рук Сани дрожащую бумажку. Чтобы у Воронова руки тряслась?! Да он в жизнь не поверит! Не, это скорее от ярости, чем от страха.

Он развернул сложенный пополам лист, чувствуя, что за плечом уже вырос Влад. При виде печатных букв, его брови невольно дернулись вверх.

«Вы все ответите за его смерть. И ты, и он, и его дружки».

– Сань, и ты из-за этого испугался? – всерьез удивился Калинин и даже сопровождал свой вопрос легким смешком. – Да шпана дворовая балуется. Или у кого-то шиза проснулась...

Воронов вновь отвернулся к мостику, засунув руки в карманы. Его нога, упирающаяся в металлическое кольцо между прутьями, заходила мелкой дрожью.

– Ну да, если это шиза, то, может, и опасно, – скорее самому себе пробурчал Димон. – Но не настолько же...

– Ты думаешь, это они? – подал голос Влад, и, судя по его тону и Воронов, и Демидов знали, о чем шла речь. – Из-за него?

Они обменялись многозначительными взглядами, и Калинин не вытерпел:

– Да кто «они»-то? Кто «он»?

Гляделки Сани и Влада продолжались еще с минуту, а потом Воронов повернулся к Димону.

– Нет, может, конечно, это все и туфта, но я... взбесился, а не испугался, – постепенно прежний Воронов возвращался: его голос окреп, исчезла нервная дрожь, и взгляд потемнел, налился силой. – Взбесился, потому что они мою семью тронули, напугали Юлю.

Калинин кивнул с пониманием, но вопрос свой все же повторил:

– «Они» это кто? Кто умер?

– Курбанов. В СИЗО. Несколько месяцев назад, – мрачно процедил Демидов, меняясь в лице. – Чуть ли не кипятком ссал и грозил всех нас под корень вырезать вместе с семьями, – он не смог побороть отвращения и сплюнул себе под ноги. – И тебя, кстати, тоже, – после короткой паузы бросил в сторону майора. – Тот еще выродок!

Калинин снова перевел взгляд на анонимку.

– И его дружки, – задумчиво процитировал он конец предложения, а потом вернулся к его началу: – И ты, и он, – поднял глаза на Воронова, – ну ты-то понятно, а жена твоя при чем? Я так понимаю, угроза ей?

– А это у них традиция такая – с женщинами разборки устраивать, – полным ненависти голосом объяснил Влад. – Проходили уже, знаем.

– Юлька, правда, думает, что это отголосок той истории, – гораздо тише добавил Саша, – с бывшим парнем ее. Ну ты помнишь... – а когда Демидов кивнул, покачал головой, – но я думаю, что это ерунда. Слишком давно это было. И никаких друзей там моих не участвовало.

Воронов умолчал о том, чем отозвались в его семье эти две фразы. Словно одно целое раскололось надвое, и между ними пролегла глубокая трещина – с момента обнаружения записки и последовавшего за ней нелегкого разговора Юля стала отчужденной, задумчивой. Он был уверен – мыслями она вернулась в прошлое, снова взращивала в себе вину. И эта неопределенность... Как будто земля из-под ног ушла. Он привык все контролировать, сам задавать

траекторию жизни, а тут... Одно понятно, над ними нависла угроза, но неизвестно какая. А это хуже всего. Оттого и взбешен был и нервничал сверх меры, что было ему несвойственно.

– И что теперь? – разбил Калинин затянувшееся молчание, и Воронов тут же подобрался, готовый отдавать приказы, как если бы расследовал любое другое дело, не относящееся к нему лично.

– Дим, я хочу тебя попросить выяснить кое-что, – в горле вдруг встал комок, и Саша севшим голосом произнес: – Был такой Синицын Максим, умер еще лет восемь назад. У него осталась мать, мне нужно узнать, где она сейчас живет. Прежний адрес скажу, – он отогнал от себя слова жены о том, что она хочет навестить мать Максима, и никакие его запреты не смогут ее остановить. – И еще... – откашлялся, прочищая горло: – Ты же про Курбановых все пробивал для Влада? – короткий взгляд на Демидова словно в поисках подтверждения своим словам. – Понаблюдай за ними снова, чем живут, чем дышат. Может, как-то подозрительно себя ведут, с кем встречаются... Ну, ты понял, да?

– Хорошо, все, что смогу, выясню, – пообещал Калинин, уже прикидывая в уме, кого из оперов нужно будет озадачить.

– А нам, Влад, нужно своих прятать... На всякий случай... Мало ли... Вдруг, дело серьезное.

Глава 4

Калинин вошел в квартиру, закрыл дверь, бросил ключи на тумбочку. Расстегнув верхние пуговицы на рубашке, прошел в просторную кухню, открыл нараспашку окно, и в душное помещение ворвался свежий вечерний воздух. Достав из холодильника пиво, он откинулся на диван и уставился в потолок. Пустота и тишина. Казалось, они звонко отдавались в стенах его большой квартиры.

Минимум мебели, довольно дорогой, но расставленной без особого творческого подхода, этакий холостяцкий стиль. Здесь остро чувствовалась нехватка женской руки. Эту квартиру Калинин купил уже после развода, прежнее жилище оставив бывшей жене. Там, в небольшой однушке, расположенной в обычной пятиэтажке, все устраивала Лера, и каждый уголок был наполнен уютом и теплом, а в эту квартиру он заказал все по интернету, даже особенно не вдаваясь в детали. Какая разница, все равно домой он приходил только переночевать и то, не всегда.

Женщины здесь появлялись время от времени, но не успевали вносить какие-то изменения в его быт, как, впрочем, и в его жизнь. Калинин терпеть не мог запах чужой женщины в своей постели, ощущение чьего-то малознакомого тела, прижимающегося к нему. Секс приносил лишь минутное расслабление, как и алкоголь. Никаких эмоций, кроме тупого удовлетворения своей физической потребности. Только досада в глубине души от этих недолгих знакомств без продолжения. И, казалось бы, теперь у него было все, что нужно в этой жизни – огромная квартира, шикарная машина, желанная должность, власть, деньги, – только все равно чего-то не хватало, и тоска съедала нутро.

«Лучше я буду одна, чем жить с тобой в вечном страхе!»

Эти слова до сих пор звучали у него в ушах. Тогда он тоже ответил ей что-то резкое, но в глубине души прекрасно понимал, что она права. Ему достаточно сложно совмещать семью и работу, да еще и все время заботиться о безопасности близких ему людей. А если никого не будет рядом, то и уязвимых мест, на которые можно надавить, тоже не будет.

Но когда-то все было совсем иначе – с Лерой он собирался прожить долгую счастливую жизнь. И разрушился их брак не в один день, он рассыпался по крупицам день за днем, и Калинин ничего не мог с этим сделать. Лера не могла понять специфику его работы. Сначала она остро реагировала на ранения, полученные при выполнении заданий, ненавидела ночные звонки, разрывающие мобильник мужа, потом все чаще стала заговаривать о том, что профессию можно сменить и на более спокойную, безопасную. Но он почему-то был уверен в том, что всегда сможет избежать смерти, ведь ему есть ради чего жить. Уверял жену, что ничего страшного с ним не случится, да и с повышением должности работа стала гораздо спокойнее. А Лера стала всерьез задумываться о детях. Да и сам Калинин был не то чтобы против, просто с трудом представлял себя отцом. Кроме того, понимал, что все заботы о ребенке, скорее всего, лягут на плечи жены, а свое участие в этом нелегком деле проявлять он будет лишь в редкие выходные. И, кажется, Лера уже смирилась даже с этим. Она накопила витаминов для будущих мам и начала обходить врачей, чтобы проверить здоровье, засматривалась в магазинах на детскую одежду и мечтательно примеряла на себя роль «мамы». Однако в один из вечеров случилось то, что поставило окончательную точку на этих мечтах и на их семейном счастье. В кои-то веки он пришел домой пораньше, чтобы вместе с женой выбраться на прогулку. Они как раз направлялись в сторону заснеженной аллеи напротив дома, когда позади раздался выстрел, и спину прошила острая боль – «привет» от одного из злодеев, несогласного с предъявленной статьей. Пуля угодила в легкое, и майор едва не умер на операционном столе, а затем почти месяц провалялся в ведомственной больничке. Все это время Лера исправно ходила к нему, приносила продукты и ухаживала за ним, но после выписки собрала вещи и сообщила, что

больше так жить не может. В итоге, ушел он сам, оставив ей квартиру. Понимал, что ему будет тяжело там, в их некогда семейном гнездышке, тем более что и денег вполне хватало на то, чтобы купить другое жилье, где ничто не будет напоминать о прежней жизни.

Из их «троицы» только он остался совсем один. У Саши и Влада были семьи, дети. Рядом были те, за кого они переживали, те, кого любили. Больше года прошло с тех пор, как они с Лерой развелись, и об ее жизни он знал лишь понаслышке от общих знакомых. С каким-то мрачным удовлетворением отмечал, что она так и живет одна, что пока не завела себе нового мужчину, и даже вроде еще не отошла до конца от развода. А может, все еще возможно исправить?

Ему так остро вдруг захотелось поехать к Лере, увидеть ее, поговорить, да и их бывшая квартира находилась всего в десяти минутах езды, поэтому вскоре Калинин уже стоял перед дверью бывшей жены.

Время было позднее, и Лера открыла лишь после третьего звонка. Кутаясь в халат и приглаживая растрепавшиеся волосы, она растерянно застыла на пороге.

– Дима? Что-то случилось?

– Можно мне войти?

Лера молча посторонилась, пропуская его в квартиру, и закрыла дверь.

– Разбудил?

Он скользнул взглядом по прихожей, невольно выискивая чужие вещи – возможно, она была не одна.

– Да, мне рано вставать на работу, ты же знаешь...

Лера работала в юридической конторе, там они и познакомились, когда Калинин опрашивал свидетелей по одному делу.

– Так что случилось-то? – снова спросила девушка, с тревогой вглядываясь в лицо бывшего мужа.

Он смотрел на нее и никак не мог насмотреться. Мягкие, от природы кудрявые волосы, темной волной спускались на плечи, пряча под собой изящную шею. Полные, четко очерченные губы, для которых любая помада была излишней, так и манили к себе, навевая воспоминания о еще не забытом вкусе. А ресницы! Они как всегда сами собой загибались вверх, делая взгляд бывшей жены выразительным и волнующим. Вот точно, какая-то бабка Леры «согрешила» когда-то с мужчиной южных кровей.

– Я скучаю по тебе, – неожиданно для себя произнес он и, подойдя ближе, протянул руку и слегка дотронулся до ее щеки.

Она медленно отпрянула назад, взглянула с еще большим недоумением.

– У тебя кто-то есть? – поинтересовался мужчина, пристально глядя в ее глаза, словно пытаясь по ним прочесть всю правду.

– Нет, – покачала головой Лера, но тут же, словно опомнившись, что уже давно не должна перед ним отчитываться, спросила с вызовом: – Тебе какая разница, Дим?

– Я люблю тебя, – спокойно ответил он.

– Ты пришел среди ночи, чтобы сказать мне это?! – шумно выдохнула девушка.

– Может, вернешься? – не обращая внимания на ее гнев, просто спросил Калинин.

– Мне кажется, мы уже давно все решили.

– Нет, это ты все решила, – помолчав, все так же глядя ей в глаза, сказал он. – Я знаю, что ты не принимаешь мою работу, но это часть меня. Послушай, живут же как-то другие. Если бы все менты увольнялись, потому что их женам не нравится специфика их работы, то кто бы бандитов ловил, – усмехнулся мужчина.

– Калинин, я – не все. Я так не могу. Я так жить не хочу, – покачала головой бывшая жена. – И давай закончим этот разговор. Уходи, пожалуйста.

Он окинул ее испытующим взглядом и сделал шаг к двери, но снова задержался. Нужно было сказать ей еще кое-что – Воронов в конце разговора настоял, да и сам Калинин хотел бы перестраховаться.

– Ты ничего необычного или подозрительного в последнее время не замечала? – спросил он, в глубине души надеясь, что этот вопрос не воздвигнет окончательно между ними преграду. И даже напрягся внутри, когда увидел, когда Лера нахмурилась. Он-то знал, какой она может быть – восточный темперамент иногда давал о себе знать.

– Ты хочешь сказать «опасного» для меня?! – ее губы поджались, в глазах промелькнули искорки гнева. – А должна была?!

– Нет, – неожиданно для самого себя стушевался майор, но и обманывать дорогого для себя человека не хотел. Удивительно, но рядом с Лерой он делался совершенно другим, непохожим на твердого и жесткого сотрудника в отделе или на пирушках с друзьями. Она делала его мягче, добрее. – Просто, вдруг... если заметишь что-то...

– Снова твоя работа? – с пониманием кивнула девушка и улыбнулась лишь одними губами. – И ты еще хочешь вернуть все обратно?

Она подошла к двери и распахнула ее настежь. Калинин ничего не оставалось, как уйти.

И теперь уже точно навсегда. Больше он к ней ходить не будет. Пусть живет той жизнью, какой хочет. А где-то в груди шевельнулось холодное, мерзкое ощущение обмана. Может, любви вовсе не было. Ведь, если любишь человека, принимаешь таким, какой он есть. В конце концов, они не за школьной партой встретились, а уже будучи взрослыми, определившимися в жизни людьми. Она с самого начала знала, на что шла, выходя за него замуж, а в итоге принципы стала ставить. Его уже не переделать, не изменить. И работу свою он никогда ни на что не променяет. Как говорят, бывших ментов не бывает. Однажды ступив на эту дорогу, ты с нее уже не сойдешь. И эта встреча доказала лишний раз одно – каждый сделал свой выбор.

Глава 5

Когда под утро Калинин вернулся в отдел, задержанная девушка (Аня, кажется) мирно спала на диванчике в комнате отдыха по соседству с дежуркой. В ОВД было по-прежнему тихо и безлюдно, однако в преддверии нового рабочего дня на службу уже начали приходить сотрудники. Майор понимал, что нужно было что-то решать с ней, иначе возникнут ненужные вопросы. Разумеется, он мог ее просто отпустить на все четыре стороны, но не факт, что и этим вечером она снова не окажется здесь, только уже по обвинению в убийстве собственной матери – ненависть, звучавшая в ее голосе при упоминании той, была незабываема.

Первым делом Калинин позвонил участковому и попросил его выяснить, есть ли свободная квартира где-нибудь в «малосемейке» в их районе, и вскоре получил положительный ответ. Была одна квартира, куда можно было заселить девчонку. Хозяин уже второй год отбывал срок и ближайшие лет десять еще должен был провести в местах не столь отдаленных. Через полчаса на его столе лежал и ключ. Затем, майор отправился в кабинет к следакам, где как раз завершал свое дежурство следователь, взявший себе дело по убийству брата Ани.

– Да драка обычная, причем, он сам же ее и начал, – махнул рукой тот, – только упал неудачно, головой на камень угодил. Опросил соседей, говорят, он вечно в драки ввязывался с местными пацанами, за мать заступался, хоть она и запойная совсем. Так что нет там виноватых, закрывать дело буду за отсутствием состава преступления.

– Ясно, – выслушав его, кивнул Калинин. Он с самого начала понял, что ход этому делу не дадут.

Выйдя из кабинета следаков, мужчина отправился будить Аню. Присев на край дивана возле девушки, он дотронулся до ее плеча и слегка потряс. Она мгновенно распахнула глаза и немного удивленно огляделась, со сна совсем забыв, где находится.

– Пойдем, – коротко бросил майор, поднимаясь, и жестом указал в сторону двери.

Аня поспешно поднялась и, быстро сунув ноги в кеды, направилась следом за ним.

В кабинете Калинин налил в кружку кипятка из только что вскипевшего чайника и, добавив туда чайный пакетик, поставил на стол перед девушкой. Затем достал из шкафа открытую пачку печенья и тоже положил ее на поверхность стола.

– Поешь. Это все, что нашел, – усаживаясь за стол напротив нее, извинился Калинин и чтобы не смущать ее, принялся просматривать сводку происшествий, взятую в дежурке.

– Спасибо, – благодарно сказала Аня, придвигая чашку к себе. Рука сама потянулась к пачке с печеньем, хотя было очень стыдно показывать, насколько сильно она проголодалась. Обычные печенья показались ей сейчас самым вкусным, что она когда-либо пробовала.

– Я договорился о квартире в малосемейке, – бросил Калинин, не отрываясь от сводки, когда она закончила с трапезой. – Если не передумала возвращаться домой, то можешь заезжать туда прямо сегодня.

– Правда? – девушка не могла поверить своим ушам. Она с восхищением смотрела на этого с виду сурового и неприступного полицейского, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Как же отрадно понимать, что хоть кому-то на тебя не плевать. Раньше это был Димка, а сейчас...

В носу у Ани засвербило, в глазах повлажнело, и чтобы совсем не раскиснуть, она пару раз кашлянула, а потом снова потянулась к пустой чашке и сделала вид, что допивает остатки чая на дне.

– Квартира совсем маленькая, но там есть все необходимое, – по-прежнему не глядя на нее, объяснял майор, но Аня поспешно заверила:

– Да мне все равно куда, лишь бы не с матерью!

– Тогда езжай домой, собирай вещи, – Дима вытащил из органайзера на столе желтый бумажный квадратик и протянул ей. – Вот, это адрес, ключ. Если будут какие-то проблемы, звони мне, – он перевернул лист другой стороной, указывая на номер, написанный на обороте.

– Я не знаю, как вас благодарить, – растерялась Аня, сжав листик в руках, как самое ценное, что у нее было. Очень хотелось броситься к нему и поцеловать его в щеку, но она побоялась, что он неправильно ее поймет. К тому же, она чувствовала себя неловко, потому что за весь разговор майор практически ни разу на нее не взглянул. Видимо, был очень занят, пытался выполнить два дела одновременно, и ей помочь, и работу свою работать.

Они вообще все тут слишком заняты. В кабинет уже несколько раз заглядывали. Опера порывались занести начальнику документы на подпись, кто-то справился о планерке, и девушка понимала, что ей пора уходить. Немного помолчав, она все-таки спросила:

– Вы сказали, что попыруете узнать про моего брата... – язык никак не поворачивался прознести слово «смерть». Мысль, что Димки больше нет в живых, до сих пор никак не укладывалась в голове.

– Я был у следователя. Экспертиза подтвердила, что он сам упал на камень, – ответил Калинин, впервые взглянув на нее. В его глазах читалось сожаление. – Виноватых искать не будут. Это был несчастный случай.

Аня кивнула, часто-часто моргая, потому что к глазам снова подступили слезы. Ладони, лежащие на коленях, сжались в кулачки. Нельзя плакать!

– Понятно, – она медленно поднялась со стула. – Спасибо вам, я пойду, да? Можно?

– Конечно, – кивнул мужчина и добавил: – Пожалуйста, с матерью больше не дерись. Этим ты проблемы свои не решишь.

Выходя из кабинета, Аня чуть задержалась на пороге, оглянувшись на сидевшего за рабочим столом мужчину, словно пытаясь запечатлеть его образ в памяти (кто знает, когда они снова увидятся и увидятся ли?), и, подавив тяжелый вздох, открыла дверь.

– До свидания, – бросила вежливо напоследок, но он даже не взглянул в ее сторону.

В коридоре она вновь задержалась у двери, глядя на табличку с его данными. Только сейчас она осознала, что даже не удосужилась узнать имя своего спасителя. Калинин Дмитрий Андреевич, гласила вывеска. Дима. Его звали так же как и ее брата.

Теперь домой, за вещами, и главное, сдержать слово, данное Диме (у нее снова будет Дима, пусть не брат, пусть он не знает, что он у нее есть, но он у нее будет) – не ругаться и не драться с матерью. Уйти тихо, мирно, незаметно. Начать новую жизнь...

Мать как всегда спала беспробудным сном и прихода дочери даже не заметила. Интересно, она хоть в курсе, что у нее сын погиб? Стараясь не смотреть в ее сторону, чтобы не злить себя понапрасну, Аня наспех покидала в спортивную сумку вещи, из далеко спрятанной заначки достала деньги, которые они с Димкой откладывали с подработок на то, чтобы снять отдельное жилье, и покинула квартиру, причем сердце ее даже не ёкнуло.

Прежде чем навсегда, как она думала, покинуть дом, Аня постучалась к соседке, бабе Вере, которая, сколько Аня себя помнила, заботилась о них лучше матери. Она же учила брата с сестрой азам ведения домашнего хозяйства, да и другие необходимые в жизни навыки прививала. Вот и сейчас девушка постучалась к ней, не только чтобы попрощаться, но и спросить совета, ведь она впервые попала в столь горестную ситуацию и даже не представляла, какую сумму нужно отдать за похороны, как и не знала, что именно надо делать. И только с ней, с сердобольной бабой Верой, смогла Аня оплакать Димку.

Через два часа, скрыв за темными очками зареванные глаза, Аня подходила к своему новому дому – серой многоэтажке с одним-единственным подъездом. Лифт не работал, поэтому подниматься на шестой этаж ей пришлось пешком. От лестничного пролета, осю пронзающего девятиэтажку, в две стороны расходились длинные узкие коридоры с множеством дверей, ведущими в крошечные квартирки-малосемейки. Привычную к загаженной

матерью и ее многочисленными собутыльниками квартире девушку не испугал мрачный вид коридора, который, по-видимому, служил жильцам не только проходом к квартирам. Она лишь непроизвольно сморщила нос и постаралась не дышать, краем глаза отметив нагромождения бутылок у шахты мусоропровода.

Да уж, похоже, алкашни хватало и здесь. Из-за первой же двери, мимо которой она прошла, доносился отборный мат ругающихся мужиков, а навстречу ей по коридору еле тащилась покачивающаяся тетка в замусоленном халате, от которой разило перегаром за километр. Однако Ане и это было неважно. Главное, есть где переночевать и на мать с ее мужиками не нужно любоваться, а до соседей ей нет никакого дела.

Ее новое жилье представляло собой комнату в десять квадратных метров, большую часть которой занимал разложенный, покосившийся диван и не менее косая тумбочка с миниатюрным переносным телевизором. Удивляло, что такая крохотная квартирка имела, однако, свой балкон, пусть такой же маленький, почему-то в форме квадрата. На кухне угол занимал пузатый холодильник, такой же старый («советский», со слов родительницы) как и у них дома. С другой стороны окна вдоль стены стоял обеденный стол, плита с двумя конфорками, и раковина. Санузел совмещал туалет и сидячую ванну. Что ж, если привести все в порядок, то выйдет совсем не плохо.

Оставив сумку на табуретке в кухне (Аня не рискнула поставить ее на грязный пол), она отправилась на разведку близлежащей территории – необходимо было прикупить чистящих средств и еды. Вечер обещал быть насыщенным – хоть квартирка и маленькая, но пока все отмоешь, пройдет не один час.

Неприятным сюрпризом оказалось отсутствие света. Это Аня обнаружила уже ближе к вечеру, к концу изнурительной уборки, когда осталось отмыть только туалет с ванной. Безуспешно пощелкав выключателями во всех комнатах, Аня пошла знакомиться с соседями. Причем сознательно выбрала двери подальше от тех, где она уже знала, живут неблагополучные личности. Но то ли ей так повезло, то ли там и правда никого не было, из четырех квартир так никто и не вышел.

Зато из дверей, за которыми недавно громко матерились (ее соседи за стенкой), вылез похмельного вида мужик в растянутых трениках и тельняшке. Увидев незнакомую девушку, он тут же попытался возродить в себе галантного кавалера и наладить соседские связи. Не желая проводить остаток дня в темноте и отвечать в первый же вечер соседу грубостью, Аня поделилась с ним своей проблемой. Мужик оказался толковый и подсказал ей, где находится переключатель на распределительном щитке. Секунда, и у нее появился свет.

Сосед попытался пойти дальше и напроситься на более близкое знакомство, однако девушка, сославшись на усталость, вежливо отказалась. В другой раз, радостно закивал на ее отказ мужик, и Аня на какую-то секунду успела пожалеть об оказанной помощи.

Мысли о возможной навязчивости соседа еще какое-то время беспокоили ее, пока она заканчивала уборку (ведь защитника в лице брата у нее теперь не было), однако к ужину Аня уже окончательно успокоилась. Усталое тело просило отдыха, и, приняв душ, она с наслаждением вытянулась в чистой постели. Поплакав горько о брате, расслабившись и душой и телом, Аня наконец-то заснула. А проснулась посреди ночи оттого, что кто-то настойчиво стучался в дверь.

Глава 6

Во время подготовки к похоронам брата, как и во время самих похорон, Ане было совершенно плевать на то, где и в компании каких соседей ей придется проживать неизвестно какой период времени. Сосед (почему-то девушка была уверена, что это именно он), видимо, взял себе в привычку приходить к ней ночами под дверь и тихонько постукивать, надеясь на ее ответное внимание. В первую ночь она испугалась, во вторую – тоже слегка напряглась, но грядущие печальные заботы более-менее отвлекали.

Мать на похороны даже не явилась. Димку в последний путь провожали она с бабой Верой и немногочисленные друзья брата. Сама процедура прощания и последовавший за ней поминальный обед прошли как в тумане, мутном, сером, запечатавшим собой все эмоции и чувства. Она словно сама умерла...

Но жизнь продолжалась. Вела свой неторопливый ход, ни на секунду не замедляя бег, несмотря на людские потери и горести. И нужно было подстраиваться под новые условия жизни, хоть как-то приспосабливаться к одиночному существованию. Без Димки...

Дни полетели. В колледже один за другим пошли экзамены да зачеты, и Аня едва успевала готовиться. Скоро начинались летние каникулы, и она все чаще задумывалась о том, куда пойдет на подработку на эти два месяца. Вероятнее всего было устроиться в какую-нибудь кафешку. Поваром без диплома ее, разумеется, никто не возьмет, а вот работать официанткой или посудомойкой, в общем, кем-то на подхвате, ей не привыкать.

Обойдя несколько заведений в близлежащем районе, Аня нашла «работу мечты» – место официантки в кафе недалеко от отдела полиции, где не так давно ей пришлось коротать ночь. И даже то, что работать приходилось много, и к вечеру ноги просто гудели, несколько ее не расстраивало. Все мысли ее занимал симпатичный майор, выручивший ее из беды. Она всегда носила с собой листочек с написанным его рукой номером мобильного и с трудом сдерживалась, чтобы не позвонить ему, чтобы хотя бы просто услышать его низкий, с хрипотцой голос. Несколько раз ловила себя на том, что выходит из дома заблаговременно, чтобы у нее оставалось хоть десять-пятнадцать минут на то, чтобы постоять за оградой отдела в тени деревьев в надежде хоть мельком увидеть его. Но его никогда не было. Часто ночами она вызывала в памяти его образ и размышляла, как бы напомнить ему о себе. Ненавязчиво, случайно...

Когда мы чего-то сильно хотим, Вселенная нас слышит и идет навстречу, подкидывая ситуации, как ступеньки к мечте. Может, для кого-то это была психологическая ерунда, но Ане очень хотелось верить, что это так, тем более, когда получаешь этому реальное подтверждение.

В тот вечер она возвращалась домой с работы, отбегав между столиками долгих шесть часов. Завернула в подворотню, выводящую прямо к подъезду, предвкушая очередную ночь «в компании» майора, как почувствовала резкий и неожиданный толчок, и сумку сорвали с плеча. В первую минуту она впала в ступор, потом до нее медленно стало доходить, что вместе с сумкой от нее «ушел» кошелек с деньгами, косметичка, ещё какие-то мелочи, а главное, паспорт. Рука сама потянулась к заднему карману джинсов, нащупала связку ключей, которую она перед выходом из кафе засунула туда по привычке. И только потом нахлынул страх вперемишку с облегчением – а ведь могли и покалечить. Уже дома, после нескольких выкуренных сигарет, на нее снизошло озарение – разве это не прекрасный повод, чтобы появиться в полиции и... увидеть того опера, начальника, Диму?

На следующее утро около девяти часов Аня уже стояла на крыльце «Хорошево», высматривая среди спешащих на работу в форменной одежде людей Калинина. До этого она немного потопталась внутри, но не желая лишний раз позволить глаза дежурному, вышла на улицу.

Он появился, когда до девяти оставалось пять минут, и очень торопился. Практически не глядя, на ходу обменялся рукопожатиями с несколькими коллегами, а на ее робкое

«Здравствуйте» поначалу ответил быстрым кивком, собираясь скрыться в дверях. В последнюю минуту притормозил, вернулся взглядом к ней.

– Аня? – поприветствовал ее вопросительно. – Что-то случилось?

В груди у Ани защемило что-то грустно и печально – он совсем не обрадовался ее визиту.

– Паспорт украли, – едва слышно выдавила она, понимая, что те же самые слова она могла сказать и дежурному и точно так же получить от него всю необходимую информацию.

– Тогда тебе в 115 кабинет, – мужчина сделал приглашающий жест рукой в сторону дверей и слегка подтолкнул ее вперед. Проводил к самому окошку дежурного и все это время не отнимал руки от ее предплечья. – Коль, – позвал дежурного, – сориентируй человечка.

Тот с готовностью выглянул из своего аквариума, а Калинин отнял руку от девушки, не замечая в ее глазах сожаления.

– Ну, – он слегка улыбнулся Ане, скорее из вежливости, чем по желанию, – обращайся если что. Номер мой у тебя есть. Как дела-то? – спросил напоследок, будто спохватившись, что надо спросить. – Все нормально?

– Все хорошо, – кивнула Аня, угадывая за его словами невысказанное «Я занят, работы много». Вдруг нестерпимо захотелось вдохнуть полной грудью и не дышать. Совсем. Она едва заставила себя растянуть губы в ответной улыбке, чтобы наконец позволить ему отойти.

Он словно этого и ждал. Еще раз улыбнувшись ей на прощание, развернулся и пошел по коридору. Аня смотрела ему вслед, борясь с жуткой потребностью броситься за ним.

– Девушка, – окликнул ее дежурный, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы переключить внимание и сделать наконец то, за чем она на самом деле пришла.

Получив консультацию в 115 кабинете, Аня вышла оттуда слегка обескураженная – чтобы получить новый паспорт ей нужно обязательно предоставить свидетельство о рождении, а идти за ним домой к матери ей совсем не улыбалось. Остановившись в раздумьях у стенда с фотографиями сотрудников, она на секунду поддалась было искушению обратиться за помощью к Калинину, но быстро передумала. Несмотря на все свое желание, она понимала, что лучше от этого воздержаться. Он ясно дал ей понять, что ему не до нее. По крайней мере, сейчас.

Подавив еще один вздох сожаления, Аня окинула взглядом ряды и колонки фотографий перед собой и, узнав на одной из них Калинина, замерла. Подчинившись внезапному наитию, она осторожно огляделась и, удостоверившись, что кроме нее в коридорчике в данный момент никого нет, ловко подцепила ногтем краешек фотографии и вытащила ее из кармашка. Сунув свою добычу под кофточку, она опустила голову и, не прощаясь, проскользнула мимо дежурки к выходу.

Как бы не хотелось Ане никогда не возвращаться туда, где она выросла, но другого выхода не было. Заглянув домой за ключами, она направилась по адресу, который предпочла бы забыть, однако в квартиру попасть не смогла. Ключ не желал совладать с замочной скважиной. Замки, что ли, мать сменила?! В конце концов она нажала на кнопку звонка, надеясь, что та услышит. Вот только дверь ей открыл паренек в форме рабочего с малярным валиком в руках.

– Вы кто? Вы что тут делаете? – недоуменно взглянула на него Аня и протиснулась в квартиру.

Мебели не было, обои были содраны, а стены покрыты белой краской.

– Ремонт, – пожал плечами парень, с не меньшим удивлением глядя на нее. – А вы кто?

– Какой еще ремонт? – Аня прошла по пустой квартире, заглядывая в каждую комнату. – Мать моя где?

– Я не знаю, – покачал головой рабочий. – Когда меня наняли, здесь никого не было.

– Кто вас нанял? Когда? – смутные догадки уже начинали подбираться к ней.

– Михаил Леонидович, две недели назад. Сказал мебель всю вынести, обои ободрать, стены побелить.

– Какой Михаил Леонидович?! – с возмущением переспросила Аня, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Что мать еще выкинула? – Я здесь живу! Это наша квартира! Где этот Михаил Леонидович? Дайте мне его телефон, – взяв себя в руки, потребовала она.

Парень сходил в комнату за мобильником и, найдя нужный контакт, написал его карандашом на обрывке газеты.

Выйдя из квартиры, Аня вспомнила про бабу Веру и позвонила в ее дверь. Ответом ей была тишина.

– Там никого нет, – услышала она за спиной. Паренек стоял на пороге ее квартиры и провожал ее взглядом. – Бабульку в больницу забрали, ей плохо стало. Я видел, как скорая приезжала, – пояснил он.

Ничего не сказав, Аня развернулась и стала медленно спускаться по лестнице. Все происходящее казалось ей каким-то страшным странным сном, от которого хотелось скорее очнуться.

Глава 7

Михаил Леонидович? Что еще за Михаил Леонидович, который к тому же трубку не берет? Внутри Ани медленно, неотвратно росла тревога. Мама... Что с мамой?!

– Да! – когда она уже и не надеялась, в ухо неожиданно вцепился резкий, неприятный голос. Ане даже показалось, что она сможет описать обладателя сего голоса – толстый, обрюзгший тип при деньгах, считающий, что он хозяин жизни. – Говорите! Я вас слушаю!

– Здравствуйте, меня зовут Аня, – как можно спокойнее ответила девушка. – Мне сказали, что вы купили квартиру на улице Мневники, дом девять. Это правда?

– А вы кто, девушка? С какой целью интересуетесь? – с подозрением поинтересовался мужчина.

– Я жила в этой квартире вместе с матерью, буквально несколько недель назад, – с трудом сдерживая эмоции, сказала Аня. – Объясните мне, каким образом она оказалась у вас? И где теперь моя мать?

– Девушка, – голос говорящего на другом конце провода изменился, стал грубее, ниже, – представления не имею, где ваша мать. После сделки она получила деньги, а я – ключи. Где она сейчас, не знаю...

– Но...

– Девушка, извините, мне некогда! – не дослушав ее возражения, мужик бросил трубку.

Несколько минут Аня простояла, в немом оцепенении уставившись на потухший экран телефона. Странный сон, в котором она жила последнее время, набирал все более жуткие обороты.

Она снова взглянула на телефон, все еще зажатый в руке и, немного помедлив, все же набрала номер Калинина. Пока шли длинные гудки, Аня перебрала в голове множество вариантов того, как, извинившись, снова будет просить его о помощи, но едва услышав его голос, тут же забыла их все.

– Дмитрий... Андреевич, простите, это опять я, – сбивчиво пролепетала она, чувствуя, как к лицу приливает краска стыда, и пояснила: – Аня.

– Да, я слушаю, – просто сказал мужчина, при этом параллельно ведя разговор с кем-то еще.

Аня так отчетливо понимала – не до нее ему сейчас! Но трубку он не повесил, терпеливо ждал ответа. И он был единственным, на кого она могла надеяться. Больше обратиться ей было просто не к кому.

– Я не смогу привезти свидетельство о рождении, чтобы паспорт восстановить, – только и смогла произнести девушка. – Кажется, мать квартиру продала, и я даже не представляю, где она находится...

– Так, давай-ка, приезжай в отдел и все расскажешь, – немного помолчав, требовательно проговорил майор.

И полчаса спустя Аня вновь сидела в его кабинете с задвинутыми жалюзи, почти не пропускающими в помещение солнечный свет. И дверь постоянно открывалась, и в кабинет заглядывали сотрудники с неотложными вопросами, и телефон звонил практически не прекращая, но майор внимательно выслушал ее и даже сделал пару звонков. Сначала участковому с просьбой узнать информацию о продаже квартиры, затем обратился к юристу их отдела – с заданием проверить юридические аспекты продажи.

Все это время Аня так же, как и в прошлый раз, сидела, боясь сделать хоть малейшее движение, и не сводила глаз с мужчины. Сегодня на нем была форменная одежда. Темно-синяя рубашка с большой звездой на погонах невероятно шла ему к лицу. Девушка совершенно не к месту и не ко времени подумала о том, что, наверняка, дома у него есть жена, которая вечерами

эти самые рубашки гладит. Аня тут же отогнала от себя подобные мысли. Не ее это дело! Такой, как он, никогда не взглянет в сторону такой, как она, дочери алкоголички.

– Давай сделаем так, Ань, – отложив в сторону телефон, мужчина, наконец, обратился к ней: – Поезжай домой, а я, как что-то узнаю, сообщу тебе, хорошо?

– Спасибо вам большое, – благодарно проговорила девушка, поднимаясь со стула. – Мне, правда, так неудобно, что я снова нагрозила вас своими проблемами...

– Я здесь как раз для того, чтобы решать чужие проблемы, – серьезно ответил Калинин, и на мгновение ей показалось, что он сейчас улыбнется. Однако лицо мужчины осталось по-прежнему серьезным и даже суровым, лишь взгляд немного смягчился. – Не переживай, найдем мы твою мать.

– Спасибо, – Аня благодарно кивнула, развернувшись, чтобы уйти, но все же не удержалась, снова оглянулась на мужчину. – До свидания.

Он кивнул в ответ. В очередной раз на его столе зазвонил телефон, и затянувшееся прощание было прервано.

Хоть и вышла Аня из кабинета Калинина давно, но он все равно словно незримо присутствовал рядом, не давая тем самым успокоения душе. Внутри как будто и вправду летали бабочки, но они были тяжёлые, неповоротливые, неловкие. Каждое касание их трепетных крыльев задевало что-то внутри, и это что-то нестерпимо болело. Разве любовь, ну хорошо, влюбленность бывают такими мучительными? А в том, что она влюбилась, Аня уже не сомневалась.

Если человек постоянно не выходит у тебя из головы, если ты каждую минуту дня и ночи думаешь о нем, грезишь им, бредишь им, то что это, если не любовь? Если ты мечтаешь о том, чтобы среди всего своего окружения он выделил тебя, заметил, какая ты красивая, интересная, особенная; если ждешь, что он посмотрит на тебя, улыбнется, скажет те самые заветные слова и даст понять, что впереди только счастье, разве не любовь это?!

Девушку прямо-таки затопило тем чувством, название которому она уже знала, что на мгновение ей стало просто страшно. Страшно от понимания того, что любовь ее на самом деле безответная и таковой и останется. Страшно и больно. А боль всегда вызывает слезы.

Чувствуя себя полной дурочкой и чтобы не разревется посреди людной улицы, Аня прямо-таки заставила себя подумать о матери. Какой бы с***й она ни была, все же она ее единственный родной человек...

Мысли о пропавшей матери никак не могли поднять настроение, испорченное сначала украденными документами, а потом и вовсе убитое неразделенной любовью, поэтому неудивительно, что домой девушка поднималась в скверном расположении духа. А при виде мерзкой, источающей алкогольные пары фигуре соседа прямо на ее пути, она даже разозлилась от отчаяния и бессилия. Господи, ну почему все так?! За что?!

– О, соседка, – расплылся алкаш при виде нее в улыбке, которую, видимо, счел обаятельной, и растопырил руки в подобии объятий. – Сделай одолжение, составь компанию одинокому мужчине. Скрась его жизнь.

– Дай пройти! – потребовала Аня, остановившись на некотором от него расстоянии, чувствуя, как злость внутри нее закипает все сильнее. Сжала кулачки, отчаянно желая вломить этому типу от души, и даже бегло осмотрелась вокруг себя в поисках подходящего орудия. Подошло бы хоть что – бутылка, обломок кирпича, да даже сумка, которой, к сожалению, не было.

– А если не дам? – нагло ухмыльнулся алкаш и, неожиданно двинувшись к ней, сделал попытку облапать ее.

– Убери руки, козел! – резко отшатнувшись, заорала Аня ему в лицо и чисто инстинктивно толкнула его в грудь.

Тот принялся хватать ее за руки и между ними завязалась короткая схватка. Мужик все норовил прижать ее к стене, пройти руками по груди и бедрам и не переставал отвратительно

ржать, дыша в лицо гнилым перегаром. Аня отбивалась как могла, крыв алкаша матом, вырываясь из последних сил. Сама не поняла, как умудрилась заехать коленом ему в пах, а когда он с воплем согнулся перед ней пополам, от души пнула ему в живот и помчалась в сторону своей двери. Трясущимися руками со второй попытки попала в замочную скважину и, только захлопнув за собой дверь, поняла, как сильно испугалась.

Сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди, а ноги вообще как будто отказали. Съехав по двери на пол, Аня долго еще сидела так, со страхом прислушиваясь к шуму в подъезде, ожидая толчков и пинков в дверь. Но сосед затих. Постепенно и Аня успокоилась, нервная дрожь прошла. Однако теперь Аню начало беспокоить другое – запястье правой руки пронзало болью, и оно начало заметно опухать.

Немного облегчило боль долгое держание руки под струей холодной воды, однако Аня понимала, что лучше всего обратиться к врачу, что в ее ситуации было затруднительно. За дверью мог поджидать урод-сосед, и нужно было ждать приезда Калинина. Он мог подъехать в любую минуту – хоть прямо сейчас, хоть поздно вечером после работы. Поэтому осталось только терпеливо ждать – позвонить и попросить о скором приезде Ане казалось сверхнаглостью.

К счастью, ее ангел-хранитель приехал довольно скоро – не прошло и двух часов. Его шаги она слышала издалека, еще в самом начале коридора, твердые, уверенные, такой же был и стук в дверь – короткий, сильный.

– Это что? – он сразу заметил, как она осторожно и бережно поддерживает одну руку другой, как болезненно морщится при каждом движении.

Пришлось Ане вкратце поведать историю своей недавней схватки и, честно ответив на его профессионально-поставленные вопросы, признаться, что домогания соседа случились сегодня не в первый раз.

– Сосед-алкаш, значит? За этой стенкой? – ткнув пальцем в сторону соседской квартиры, Калинин быстро вышел из квартиры, и, не успела Аня понять его намерений, как он уже долбил к алкашу.

Долго долбил. Безуспешно.

– Ладно, собирайся, – вернувшись в квартиру Ани, скомандовал майор, – отвезу тебя в травмпункт, а потом подумаем, куда тебя определить. Здесь ты не останешься.

Глава 8

Отдав ей короткий «приказ» собрать необходимые вещи («за остальными приедешь потом»), опер вроде бы про нее забыл. Отошел к окну, отвечая на телефонные звонки, и хмурился, разглядывая темный двор. А она даже не посмела спросить, куда он собирается ее «переселить», понятно же – в очередное «общежитие». Кажется, куда бы он ее не отвез, она не стала бы возражать. Его спокойный, уверенный голос вселял надежду на то, что все будет хорошо, и лишние вопросы отпадали сами собой. Стараясь поменьше двигать поврежденной рукой, и украдкой бросая взгляды на майора, стоявшего к ней спиной, Аня принялась собираться. Впрочем, вещей у нее было совсем немного – одежда не занимала и половины узкого шкафа и уместилась в потрепанной спортивной сумке, туда же легли и учебники с тетрадями, представлявшими основную ценность ее вещей.

В травмпункте, сделав рентген, врач объявил о том, что у Ани вывих запястья. К этому моменту отечность увеличилась, и даже малейшее шевеление пальцами давалось с трудом, вызывая острую боль. Под местным обезболиванием косточки в запястье вправили, после чего наложили на поврежденную область гипс. Калинин все это время внимательно наблюдал за всем происходящим, и от мысли о такой заботе в душе у Ани бушевала гамма чувств – от легкого стыда за беспокойство, доставленное этому человеку, до буйной радости от того, что предмет ее восхищения рядом с ней и ее судьба ему не безразлична. Присутствие майора придавало силы, и девушка изо всех сил храбрилась, ни издав ни звука во время всех малоприятных процедур, проводимых с ее многострадальной рукой. Врач, похоже, с Калининым был знаком, называл его по имени-отчеству и старался быть более обходителен с пациенткой. Наконец, все манипуляции были окончены и ей позволили покинуть кабинет, опер же задержался еще на пару минут.

Аня сиротливо ожидала его в полутемном коридоре (в столь поздний час свет горел лишь в приемном отделении больницы, да в кабинете травмпункта), переминаясь с ноги на ногу, и мучилась вопросом о том, куда отвезет ее майор. Впрочем, все решилось неожиданно и вроде бы без ее участия. Уже в машине, дорогой, с кожаными сидениями и приятным запахом парфюма и сигарет, устроившись за рулем и повернув замок зажигания, мужчина бросил на нее короткий взгляд и произнес тоном, не терпящим возражений:

– Поживешь пока у меня, потом что-нибудь придумаем, – и, не дожидаясь ее реакции, переключил внимание на дорогу.

Ане показалось, что она вот-вот задохнется от охватившего ее восторга. Еще минуту назад она с трудом боролась с отчаянием от мысли о предстоящем расставании и даже не подозревала, какой кульбит сделает судьба.

Ехали они недолго, минут десять. Майор жил в новостройке, всего в двух кварталах от ОВД, и даже за этот короткий промежуток времени ему несколько раз звонили с работы для того, чтобы получить его согласие на выполнение каких-то выездов. «Скоро буду» – все так же кратко отвечал он своим подчиненным, и Аня ощутила себя еще более неловко, осознав, что отрывает человека от важной работы. Она молчала, уставившись в окно, боясь даже пошевелиться, чтобы не мешать ему своим присутствием.

Все в том же молчании они выходили из машины и поднимались на лифте.

– Проходи, – бросил Дима, первым войдя в квартиру и включив свет в прихожей. Затем поставил сумку на открытую полку гардеробной и, не разуваясь, прошел вперед по коридору. – Здесь ванная, полотенца в шкафу, – легонько похлопал он по двери слева и направился дальше, – кухня, там комнаты. Будешь жить в этой, – махнул в сторону темного проема двери, – в шкафу-купе найдешь чистое постельное белье.

Аня нерешительно застыла посреди прихожей, затаив дыхание, следя за каждым его движением и кивая, словно заведенная кукла. Ох, наверное, и глупо она сейчас выглядит!

– Приготовь себе что-нибудь, – распорядился он, вернувшись в прихожую и остановившись возле входной двери, – в холодильнике и в морозилке пошарь, – и немного помолчав, добавил: – Утром после дежурства заеду в магазин.

Девушка лишь покивала, не в силах произнести ни слова, но когда майор шагнул за порог, не удержалась, робко позвала, в очередной раз напомнив себе о том, что необходимо называть его по отчеству:

– Дмитрий... Андреевич. Спасибо вам.

Калинин внимательно на нее посмотрел и, кивнув, исчез за дверью.

Когда его шаги стихли на лестничной клетке, Аня защелкнула замки и на секунду прислонилась спиной к двери. До сих пор не верилось, что все это происходит с ней наяву. Еще сегодня днем она и помыслить не могла, что сможет оказаться так близко к предмету своих воздыханий, тем более, в его квартире. Аня даже ущипнула себя за щеку, настолько нереальным казалось происходящее. Может, она просто спит, а проснувшись, снова окажется в своей каморке малосемейки? Но нет, сон не рассыпался на сотни воздушных осколков, а боль в щеке была вполне реальной, впрочем, как и в руке. Все правда! Она здесь, в его доме! Она будет жить с ним!!! Пусть и временно...

Неожиданно Аня подскочила с места и пробежалась по квартире, в поиске окна, которое выходило во двор – так ей хотелось еще раз взглянуть на него! Таковое оказалось в кухне. В этот момент Калинин как раз вышел из подъезда и твердым шагом направился к своему авто, небрежно брошенному у тротуара. Прижавшись лбом к стеклу, затаив дыхание, Аня проследила за тем, как он сел в машину и через несколько секунд быстро выехал со двора.

– Какой же он красивый, решительный, – в очередной раз невпопад подумала она и невольно улыбнулась.

Немного осмелев после его ухода, Аня медленно прошлась по квартире. Большая, просторная, в две комнаты, и главное – вся обстановка в чисто мужском стиле и ни малейшего «следа» женской руки. В первой комнате, побольше, в глаза ей сразу бросился огромный телевизор, висевший на стене. Целый домашний кинотеатр! Аня в жизни таких не видела. Тот телек, который когда-то был в ее доме, по возрасту приходился ей ровесником и остался еще с тех времен, когда с ними жил отец. Но потом мать продала даже эту старину за бутылку водки.

Вдоль стены стоял мягкий угловой диван и стеклянный столик, на стеллаже возле входа музыкальный центр и стопка компакт-дисков. Аня протянула руку и взяла один из них, прочитала незнакомое и непонятное название «Dereche Mode» и только сейчас поняла, что разница между ней и майором огромная. Если брать только возраст – то, наверное, лет пятнадцать, а если принимать во внимание все остальное – то, вообще, непреодолимая. И если последний пункт смущал и настораживал, то первый – отнюдь нет, наоборот, привлекал в нем еще сильнее.

Благодаря разнице в возрасте Калинин казался ей настоящим мужчиной, смелым, сильным, решительным, каменной стеной, за которой можно было укрыться от страшного, безжалостного мира. Сопливые ровесники ее никогда не интересовали. Современные парни все меньше походили на лиц мужского пола – они следовали какой-то дурацкой моде на странные цветные прически и обтягивающую одежду «унисекс», вдевали в уши и носы серьги, учились на блогеров и целыми днями просиживали в креслах перед компами, снимая в Ютуб мудреные влоги про компьютерные игры. Аня никогда не смогла бы влюбиться в подобное «чудо». Другое дело – мужественный и серьезный «страж порядка», с которым свела ее судьба. А, может, действительно, это Судьба с большой буквы?

Потоптавшись на пороге и вернув диск на место, Аня направилась в другую комнату. Она служила майору спальней. Здесь так же было немного мебели – широкая двуспальная

кровать у окна, тумба с электронными часами, шкаф-купе во всю стену и спортивный тренажер с гантелями. И никаких фотографий или других личных вещей, которые могли бы хоть что-то рассказать о личной жизни опера.

В этой комнате она заметила дверь, ведущую на просторную лоджию с комплектом плетеной мебели – столом и двумя креслами. Аня осторожно вышла на улицу и едва не задохнулась от восхищения. Вид на ночную Москву с высоты девятого этажа открывался просто восхитительным. Вокруг новеньких многоэтажек, построенных здесь всего несколько лет назад, расстился сосновый бор, чуть дальше протекал канал, а уже по другую его сторону располагался не менее красивый жилой район.

Сбежав в коридор к сумке, Аня достала оттуда пачку сигарет и вернулась на балкон. Облокотившись о перила, чиркнула зажигалкой и с удовольствием затянулась. Кажется, это был самый прекрасный момент в ее жизни. Замечтавшись, она с опозданием кинула взгляд на столик в поиске пепельницы, но не обнаружила там таковой. Кажется, в кабинете он курил. Может, он не курит дома? И ему, возможно, не понравится, что неожиданная гостья прокуривает его квартиру? Но как быть ей? Она без сигарет не могла прожить ни часа. Это был единственный доступный допинг для нее, чтобы окончательно не свихнуться в этой жизни.

Затушив сигарету о железные перила с внутренней стороны, чтобы не осталось видимых следов, Аня воровато огляделась по сторонам и выбросила окурочек вниз. Потом продолжила осмотр квартиры, отправившись в ванную комнату. Она была совсем не маленькой. Широкая раковина, полка с зеркалом и подсветкой, шкаф с полотенцами. Вместо ванной стояла огромная душевая кабина с функцией гидромассажа, о чем сообщали названия на различных кнопках.

Безумно захотелось принять душ! В ее малосемейке на две недели отключили горячую воду, и вот уже несколько дней Ане не доводилось нормально помыться. Посомневавшись на счет загипсованного запястья, она все-таки решила осторожно принять водные процедуры. На полочке душевой был лишь мужской гель для мытья, как и шампунь, но сейчас это не имело для нее никакого значения, наоборот, хотелось вдохнуть аромат, которым пользовался этот мужчина, почувствовать его на себе. На всякий случай закрыв замочек на двери, Аня разделась и, включив воду, юркнула в кабину, с блаженством подставила тело под упругие струи воды.

Глава 9

Полчаса спустя, вдоволь нанежившись под горячей водой, Аня вылезла из кабинки и обернулась огромным полотенцем. Посмотрев на себя в запотевшее зеркало, она отметила, что выглядит теперь вполне сносно. Тело расслабилось от горячей воды и на душе тоже стало спокойнее.

Она прислушалась в тайной надежде, что Калинин по какой-то причине вернулся домой, но в квартире было по-прежнему тихо. Впрочем, он же сразу сказал, что вернется утром, на что она, глупая, надеется, чего ждет понапрасну? Глубоким вздохом укорив себя за дурацкие мысли, Аня взялась за мужскую расческу, лежащую на стиральной машине, и принялась расчесывать волосы. Мокрые пряди местами спутались и чтобы привести их в порядок, ей пришлось потрудиться. Изредка морщась, когда не особо желающий поддаваться узелок проявлял упорство, Аня все-таки млела от осознания того, что совсем недавно зубья расчески касались волос дорогого ее сердцу мужчины, а теперь и ее пальцы держат предмет, который когда-то держал он. Волосы уже давно пушистой волной спадали на спину, но она все не могла остановиться – все расчесывалась и расчесывалась, глядя на свое отражение в зеркале. Затем надела чистое белье и удлиненную футболку, достающую до колен. Ей даже захотелось немного накраситься, чтобы выглядеть более привлекательной в глазах своего спасителя и, достав тушь (единственный предмет косметики, который у нее остался), мазнула по ресницам.

После тяжелого дня и водных процедур захотелось спать. Впрочем, и время давно перевалило за полночь. Плюхнуться бы сейчас на диван в предназначенной для нее комнате, и забыться сном, но желудок скручивало от голода. Когда она ела в последний раз? Кажется, утром чаю только успела выпить, а потом события прошедшего дня так закрутили ее, что и не до еды уже было.

Мучимая чувством стыда, Аня все же последовала предложению майора и, открыв холодильник, изучила его содержимое. Да, не густо, но и не пусто. Учитывая, что обучалась она на повара уже не один год, то даже из столь скудных компонентов она сумеет приготовить вполне приличный ужин или, вернее сказать, уже завтрак. Жаль, специй не было. Видимо, мужчина совсем не готовил дома и в основном питался полуфабрикатами. И женщины, которая кормила бы его, тоже не было в этом доме, теперь Аня знала это точно. Потому что ни одна женщина не обойдется на кухне без различных специй и приправ.

Аня сварила себе макароны и мгновенно их съела, словно это было что-то невероятно вкусное, а потом задумалась о том, что утром придет с дежурства майор, а значит, нужно накормить и его. Эта мысль окутала ее теплом. На секунду девушка представила, что на самом деле он ее муж, и она, как хорошая жена, утром будет встречать его с работы и кормить завтраком, и тут же сама устыдилась этих мыслей. Вот размышлялась же! Думать так о совершенно незнакомом ей человеке, абсолютно ничего не зная о его жизни! Он просто помог, упрекнула она себя. Но крылья бабочек, порхающих в ее животе, трепетали все сильнее, набирая высоту.

В морозилке обнаружился фарш, а на дверце холодильника банка томатной пасты, чему Аня несказанно обрадовалась. На завтрак она приготовит спагетти «болоньезе»!

Одной рукой орудовать на кухне было не так-то просто, но мысль о том, для кого она готовит, подстегивала. Аня старалась изо всех сил, чтобы порадовать мужчину, который все время ее откуда-то выручал. Она так увлеклась, что совершенно забыла о времени и о том, где находится. В чужой квартире малознакомого взрослого мужчины ей почему-то было спокойно и уютно.

Когда с готовкой было покончено, время уже приближалось к утру. Аня решила, что дождется гостеприимного хозяина и преподнесет ему завтрак, хоть какая-то благодарность за его помощь. Однако суматошный день и бессонная ночь давали о себе знать, и Аня все-таки

отправилась в комнату-зал, как она ее именovala, чтобы ненадолго прилечь. Рабочий день у него начинался в девять, а соответственно и дежурство закончится примерно в такое же время. Она успеет немного подремать.

Забравшись с ногами на мягкий диван, девушка опустила голову на упругую подушку и, не удержавшись, щелкнула пультом. Черный экран ожил, приведя девушку в полный восторг. Она с восхищением смотрела на меняющиеся на экране картинки. Видео и звук были настолько качественными, что, казалось, главные участники сюжета фильма находились с ней в одной комнате. Однако не прошло и десяти минут, как сон все же сморил ее.

Аня не знала, сколько времени проспала, а проснулась от монотонного жужжания, доносящегося с кухни. Может, она забыла выключить плиту или закрыть холодильник, спросонья подумала девушка. Подскочив на ноги, она опрометью бросилась туда и резко затормозила на пороге, увидев майора. Он стоял возле кофемашины и наливал кофе. Обернулся к ней и сказал:

– Привет.

Просто и, как показалось Ане, сухо и без улыбки. Жаль...

Одет он был в черную футболку и спортивные штаны, в волосах поблескивали капли воды, с шеи валиком свисало полотенце.

– Как рука? – он кивнул на ее запястье.

– В порядке! – поспешила заверить его Аня и улыбнулась, не в силах сдержать своей радости от встречи с ним, затем, словно спохватившись о своем внешнем виде, подтянула вниз футболку и пригладила растрепавшиеся после сна волосы.

Бросив мимолетный взгляд на настенные часы, она с удивлением обнаружила, что уже почти одиннадцать. Она проспала несколько часов?! На диване в зале?! В одной футболке?! (пусть и достаточно длинной) Хорошую же картинку, наверное, застал он, вернувшись домой! Щеки Ани запылали от смущения.

– Я вам завтрак приготовила. Я сейчас разогрею, – заметив, что он выжидательно смотрит на нее, она смутилась еще больше и бросилась к плите. Ругая себя за поспешность, осторожно поинтересовалась: – Вы будете?

– Конечно, – кивнул мужчина и устроился за широким дубовым столом, поставив перед собой чашку кофе.

– Я сейчас, я быстро, – пообещала Аня, суетливо зажигая плиту и ставя на огонь сковородку. Пару минут спустя она торжественно ставила перед ним тарелку.

– Сама тоже садись, – распорядился Калинин, и она не посмела ослушаться, хотя в его присутствии еда совсем не лезла в горло. Хотелось просто сидеть напротив него и любоваться волевыми чертами его лица, ловить каждый его взгляд и каждое слово.

Ел он с удовольствием. Иногда оживал телефон, извещая о входящих сообщениях, да пару раз звонили ему с работы.

– Вкусно, – вынес свое заключение майор, отодвигая пустую тарелку и внимательно глядя на замеревшую девушку. – Спасибо, – в этот раз уголки его губ тронула легкая улыбка.

Аня уже поняла, что он не любит много разговаривать, в высказываниях краток, а эмоции старается скрывать за маской серьезности. И эта отстраненность приводила ее в замешательство. Казалось, он все же жалеет, что связался с ней.

Калинин допил кофе, затем поднялся и подошел к холодильнику.

– Я купил кое-что из продуктов, но я редко готовлю сам и в основном это что-то незамысловатое, – открыв дверцу, он продемонстрировал свои покупки. Полки холодильника были заставлены различными баночками и коробочками, а также овощами и фруктами.

Сходив в прихожую, он вернулся в кухню с кошельком, откуда выудил несколько купюр и положил их на холодильник, затем туда же определил связку ключей. – Это на расходы. Если что-то нужно, то покупай на свое усмотрение.

Аня снова залилась краской. Господи, он еще и деньги ей дает! Мало того, что она поселилась в его квартире, ест его продукты, но тратить его деньги – это уже совсем ни в какие ворота не лезет.

Желая отказаться от денег, она вскочила из-за стола, но неловко задела спинку стула, и он с оглушительным грохотом упал за ее спиной. Стушевавшись от собственной неуклюжести еще больше, она бросилась поднимать стул, совершенно забыв о том, что на ней лишь одна футболка. Наклонилась, схватилась за стул и сообразила, что футболка задралась, оголив ягодицы. Вспыхнула в который раз, дернула стул, приводя его в стоячее положение, резко выпрямилась, свободной рукой тяня край футболки вниз. И столкнулась с пристальным и неотрывным взглядом Калинина. Удивленным, подозрительным взглядом.

Еще не хватало, чтобы он подумал про нее что-то не то!

Слова возражений вылетели из головы, и Аня никак не могла сообразить, что же она так хотела сказать до того, как злополучный стул упал.

– Ты, короче, не стесняйся, тем более я прихожу не часто. Чувствуй себя как дома. Договорились?

Не то шуточные, не то серьезные слова Калинина отозвались в голове странным гулом, и Аня просто кивнула. Его телефон снова пиликнул очередным сообщением, и, словно забыв про свою гостью, майор принялся набирать ответное сообщение. Желая скорее забыть столь неловкую ситуацию, Аня воспользовалась моментом, собрала со стола тарелки и, шмыгнув к раковине, начала мыть посуду.

– Ты не думала о том, чтобы найти отца? – неожиданно спросил Калинин, оторвавшись от телефона.

От этого вопроса девушка слегка дернулась и чуть не выронила из рук тарелку.

– Возможно, он сможет забрать тебя к себе.

Если бы он только знал, сколько раз в минуты отчаяния, она думала об этом. Сколько раз представляла, что появится отец и увезет ее далеко-далеко, подальше от всего этого кошмара.

– Давай попробуем его найти, – не давая ей опомниться, предложил майор. – Скажи мне его данные.

Глава 10

– Ну, что, какие новости?

Калинин немного опоздал на встречу, поэтому пространные приветствия и вступления решено было опустить. Трое бывших коллег, а ныне друзей, сидели в машине Воронова в тени раскидистого тополя в одном из пустынных дворики Москвы.

– Мать Синицына Максима два года назад переехала в деревню Каменка, где и проживает по сей день, – сделав короткую паузу, Влад взглянул в сторону Калинина, и тот утвердительно кивнул (эту информацию пробивал именно он). – Один из моих парней снял у нее комнату под предлогом отпуска с женой.

– Кстати, – Воронов потянулся к бардачку и вытащил оттуда пухлые конверты, – вашим парням за работу, – один из конвертов переключал в руки Влада, второй – уплыл за плечо Саши к Димону.

– По его словам, – продолжил докладывать Демидов, пряча деньги в карман, – хозяйка никаких подозрений не вызывает. По телефону почти ни с кем не общается, имею в виду москвичей, и из разговоров жены с ней, никаких намеков о какой-либо мести не высказывает. Весь круг общения – местные жители и темы для бесед – сугубо тривиальные и обыденные. В общем, с этой стороны все тихо.

– У нас тоже тихо, – бодро вступил в беседу Калинин, но тут же поправился: – В смысле без изменений.

– Совсем? – подозрительно спросил Воронов. Его не устраивал такой вариант – он всем нутром чувствовал, что в гадюшнике под названием «семейство Курбановых» что-то затевается. Затеваются что-то мутное. Неспроста ведь, по информации все того же Димона, члены этой сомнительной семейки вдруг рванули все в родную республику. Причем, все в одночасье. Оставив весь свой бизнес, ресторан и пару кафешек-забегаловок, на одного человека – самого старшего члена семьи. Да и тот куда-то делся – по обычному месту жительства не появляется, на работе – тоже. Никак, затихорился? Смекнул, на кого посмел пасть разинуть?

– Совсем, – подтвердил Димон, отчасти разделяя беспокойство Саши. – Мои люди говорят, уже с неделю нигде не появлялся, – заметив, как нервно забарабанили пальцы Воронова по оплетке руля, добавил: – Да не переживай ты, Сань, найдем мы его. Где бы он ни был. Вроде как дача у него есть, или загородный дом. Пока выясняем.

– Спасибо, – задумчиво выдавил Саша, бездумно шаря взглядом по двору за лобовым стеклом. Смотря и не видя. На капот с громким карканьем опустилась ворона, но он ее даже не заметил. Все его мысли были там, дома.

Последние недели обстановка в семье была как на вулкане. Сразу же после получения той злополучной анонимки он пытался убедить жену уехать с детьми в какой-либо санаторий вместе с семьей Влада и под его защиту, но получил неожиданно твердый отпор. Отказ свой Юлька обосновала тем, что она наконец-то сможет выйти на работу и именно туда, куда так давно хотела – обратно в органы. Вскоре после окончания декретного отпуска Юлину должность сократили, и она осталась без места. Втайне Саша этому был рад – во-первых, дом и дети под присмотром, а во-вторых, ей вообще можно не работать – он их всем обеспечивал, отчета о тратах никогда не просил. Юля скрепя сердце тогда согласилась, но сейчас же словно с цепи сорвалась. Заявила ему, что проходит медкомиссию, оформляет документы и в скором времени снова наденет погоны. Ни от кого прятаться и снова, как когда-то давно, сидеть взаперти, тем более, под присмотром Влада не будет.

И вообще, заявила ему Юлька, она уже давно решила выйти на работу, только должности подходящей не было. А тут как раз и должность подвернулась, и дети уже пристроены в сад и школу, и няня есть хорошая, чтобы полдня смотреть за Данькой. На его вопрос, зачем ей

работать, Юля холодно и бесстрастно заявила, что она устала сидеть дома, бесконечно варить каши, намыывать полы и чувствовать себя глупой наседкой. Жизнь проходит мимо, в то время как у нее бесконечный «день сурка».

– Ты-то приходишь домой только переночевать, – упрекнула она его. Но последним доводом, на который Саша даже не нашел что возразить, были ее слова: – У меня уже есть стаж, еще несколько лет и я могу выйти на пенсию, а ты... – она слегка запнулась, покраснела, но все же сказала: – Ты сегодня есть, а завтра тебя нет. А так я и себя и детей обеспечу в случае чего...

– В случае «чего»? – не понял он. То, что ее слова неприятно его удивили, это еще мягко сказано.

– Тебя или прибудут, или разойдемся, – кинула Юля ему в лицо и отвернулась.

Он тогда просто взбесился. Взорвался внутри, но внешне сдержался. Единственно, наверное, слишком резко развернул Юльку к себе. Слишком резко и грубо.

– Это еще что за разговоры?!

Она поняла его состояние, потому и молчала. Умело выдерживала знакомый тяжелый взгляд.

– Про «прибудут» опустим, – согласился Саша, – я свои риски знаю, хоть они и минимальны. А вот что это за «разойдемся», интересно, а?! Че молчишь?

– Тебя постоянно нет дома, – после очень долгой и напряженной паузы Юля все-таки заговорила, – приходишь поздно, – и снова пауза, на этот раз короче: – И духами от тебя пахнет. Женскими.

Теперь паузу выдерживал Саша.

– Ты же сама мне не даешь, – наконец тихо сказал он, придвинувшись к ней ближе, – а если даешь, то делаешь это с таким видом, словно я тебя насилую, – Юля изменилась в лице, отвела взгляд, смотрела куда-то в сторону, он же, напротив, не отрывал от нее глаз. – Лишь бы дать, лишь бы отвязаться.

Да, это было грубо, но сожалений в ту минуту у него не было. Схватив жену за руку, Саша толчком усадил ее на кровать, уже давно не видевшую настоящую супружескую близость, а лишь какие-то короткие «перепихи» «на отвязись», сам склонился над ней.

– А может, я чего-то не знаю? – тоном, показавшимся Юле зловещим, спросил он. – Может, у тебя кто-то есть? Кто-то, кто чаще меня приходит домой, а? Отвечай!

– Нет! – Юля расправила плечи, смело взглянула мужу в глаза.

– Откуда тогда мысли о разводе?! – повысив голос, потребовал ответа Саша.

Юля какое-то время молчала, потом гораздо мягче произнесла:

– Саш, мы с тобой разные люди. Нам с тобой даже поговорить не о чем. Только о детях...

Воронов поджал губы, не стал ничего говорить. Просто изучал жену долгим взглядом.

– Никакого развода не будет! – он направился к двери, но на пороге задержался. Не оборачиваясь, бросил: – На работу можешь выходить, – и уже другим тоном, со сдерживаемой яростью и легко читаемой угрозой, добавил: – И, не дай бог, я узнаю, что у тебя кто-то есть... – вместо окончания фразы он саданул кулаком о стенку шкафа.

Злые Юлькины слова «То есть, тебе можно, а мне нельзя, да?!» до сих пор жгли душу, сводя с ума, душа ревностью. Как он ей тогда сказал? «Не доводи да греха!», «Ты меня знаешь!», на что она ответила с глубокой обидой и болью в голосе «Вот именно, что я тебя знаю!». Не простила, значит, до конца. Ни за себя, ни за парня бывшего, Макса. Оттого и метания эти, избегания, а теперь и желание найти мать Синицына. Вот с*ки, Курбановы или кто-там еще, так ему подосрать все!

Ну ладно, он сейчас обострять отношения с женой не будет, пойдет ей навстречу, обезопасит ее иначе. Проплатит ей толковый невидимый «хвост» для защиты от возможного нападения и, кстати, сразу же выяснит, есть ли у нее кто-то на стороне. Для души, бл*! При мысли

об этом кровь в венах не просто кипела, а бурлила, грозя сварить его живьем изнутри! Не дай бог! Не дай бог! И да, надо еще эту няню пробить для надежности...

– Сань, ты чего грузанулся? – толкнул его в бок локтем Демидов. А он и забыл, где находится!

– Да ладно, – отмахнулся Воронов, – херня. Может, бухнем? – предложил, глядя в зеркало заднего вида на Димона, перевел вопросительный взгляд и на Влада.

– Душа болит? – с пониманием хмыкнул тот.

– Ага, и водки просит, – в том же тоне, поворачивая ключ в замке зажигания, ответил Саша.

Через минуту внедорожник Воронова с ревом вырвался из тесного дворика.

Глава 11

– Не, мужики, извиняйте, но я домой, – слегка захмелевший Калинин отставил в сторону пустую стопку. На возражения сотоварищей возразил: – У меня дома гостя, нехорошо будет заявиться домой бухим.

Чтобы окончательно протрезветь, он решил до дома прогуляться пешком, благо, погода позволяла. В голове блуждало слишком много мыслей, которые дальше уже невозможно было гнать прочь. И мысли эти были отнюдь не о работе.

Он и сам не знал, почему так обеспокоился судьбой девчонки, почему не поручил помочь ей кому-нибудь из оперов. Все-таки он начальник розыска, а не рядовой сотрудник, чтобы решать проблемы каждого обратившегося. Последние несколько лет его работа, в основном, проходила в кабинете и заключалась в руководстве отделом и обеспечении правильной организации текущей работы, да в самом рутинном – оформлении документации. Но нет, никого он не отправил вместо себя к ней домой, все бросил и сорвался сам. А мог бы просто позвонить. Пожалел ее тогда, с месяц назад, и потом в груди что-то сжалось, едва увидел ее возле дежурки, потерянную и несчастную. Судьбу ее и так никак нельзя было назвать счастливой, а тут еще и новые неприятности. Не мог он ее оставить, лично хотел убедиться в том, что с ней все в порядке. А услышав про нерадивого соседа, доставляющего ей беспокойство и, вообще, словно с катушек съехал. Мужiku еще повезло, что его не оказалось дома, иначе огреб бы по полной программе. Да, пожалуй, место и, правда, было не самое благополучное для девушки. Зря он ее туда отправил.

Решение забрать ее к себе пришло спонтанно. Возвращать Аню обратно в злополучное место или искать новое жилище поздним вечером, да и таскать ее куда-то с наложенным на руку гипсом, было не вариантом. Кроме того, у него шло дежурство, и кататься с ней всю ночь он не мог себе позволить.

Девчонка, безусловно, растерялась от его предложения, но раздумывать он ей не дал. Времени не было, да и решение это казалось самым разумным в той ситуации. Комнат у него две, квартира большая, а дома он практически не бывал. Собственное жилище наводило на него тоску, казалось пустым и чужим, вызывая мысли, которые он старался избегать за рабочими делами. На работе и время бежало быстрее, и чувствовал он себя нужным, полезным, а дом существовал лишь для того, чтобы прийти ближе к ночи и завалиться спать.

С появлением Ани все изменилось. Возвращаясь вечером с работы, Калинин теперь улавливал непривычный для его жилища запах. Запах домашней стряпни. Нет, не пельменей, сваренных на скорую руку и съеденных под бутылку пива, а именно ужина. Такого, какие раньше готовила Лера. Только гораздо вкуснее. Недаром девчонка училась в кулинарном. От одного аромата, разносящегося по квартире, начинало урчать в животе и ноги сами несли его на кухню. Туда, где Аня, словно легкая бабочка, крутилась возле плиты, ловко обходясь одной рукой, чтобы помешивать кастрюльку с супом, а затем перевернуть котлетки на сковороде, да еще и не забывала заглядывать в духовку, где запекался очередной кулинарный шедевр. И Дима понимал, что скоро перестанет влезать в одежду и даже утренние занятия на тренажере его не спасут.

Поначалу девчонка, конечно, чувствовала себя неловко в чужой квартире, но вскоре нашла, чем себя занять и рьяно взялась за любимое дело. В отличие от Леры готовить она любила. Лера... Снова он проводил невольное сравнение с бывшей женой, которая для него никак не могла стать по настоящему «бывшей».

Теперь вечерами его всегда ожидал свежеприготовленный горячий ужин, состоявший из первого-второго-третьего, на утро – полноценный завтрак, да еще и на работу так и норовила что-нибудь завернуть ему с собой. Мало того, не осталось незамеченным его зорким взором

и то, как заблестела его квартира с появлением Ани, словно она ежедневно проводила генеральную уборку. Грязная одежда, которую он закидывал с вечера в стиралку, на следующий день уже сушилась в зале, развешенная на сушке, а свои форменные рубашки майор находил выглаженными на вешалке в шкафу. Признаться, присутствие Ани оказалось весьма удобным. Словно у него в доме появилась незаметная и исполнительная домохозяйка. Но в то же время такая заботливость его немного настораживала. Слишком уж рьяно она его обхаживала. Ходила за ним по пятам, в глаза заглядывала, как преданная собачонка, и разве что тапки не приносила. Неужели, влюбилась в него девчонка?! Он был первым, кто проявил о ней заботу, и она тут же ухватилась за него, словно тонущий за спасательный круг?

За то время, что Аня жила у него, она заметно изменилась. Когда он увидел ее впервые, та была испуганным подростком, «ежиком», готовым выпустить иголки при малейшей опасности, теперь же она превратилась в милую, улыбчивую девушку. Все-таки, как меняют человека жизненные условия! Оказавшись в покое и защите, девчонка даже внешне стала симпатичнее. Вместо потрепанных джинсов и толстовки дома она носила удлиненную футболку, достающую до колен, но не скрывающую красивые ноги. Длинные светлые волосы, раньше убранные в неряшливый пучок, теперь волной спадали на плечи и колыхались при малейшем движении. На щеках появился румянец, глаза заблестели. А когда она ставила перед ним тарелки и наклонялась совсем близко, Дима улавливал исходящий от нее аромат своего геля для душа, который смешивался с естественным запахом девушки и преображался во что-то удивительно приятное. И этот запах будоражил, вызывая желание, которое он не имел право к ней испытывать. Слишком велика была разница в возрасте, да и обременять себя новыми отношениями майор пока не собирался. Слишком свежа еще была рана, оставленная в душе от их брака с Лерой.

Вот и в этот вечер, едва переступив порог квартиры, Калинин тут же ощутил вкусные ароматы, доносящиеся с кухни. Несмотря на то, что желудок после посиделок с мужиками был полон, во рту тут же образовалась слюна. В кухне громко работал телевизор и не криминальные новости, что обычно смотрел майор, а музыкальный канал. Аня как обычно колдовала над кастрюльками и сковородками (кстати, раньше их не было в его доме в таком количестве), и слегка пританцовывала в такт музыке. Гипс с руки ей сняли накануне, и теперь у нее было больше возможностей для демонстрации своего кулинарного таланта.

Майор остановился в проеме двери, и какое-то время наблюдал за девушкой. Хоть и не хотелось ему признаваться в этом самому себе, но стоявшая перед глазами картина ему нравилась, а особенно босые, длинные, стройные ноги. Но вот сам факт того, что он «залип» на эту «красоту», вызывал смутное недовольство.

Он кашлянул, и Аня обернулась.

– Ой, здравствуй, – зарделась она, застыв на месте и прижимая к себе лопатку для помешивания. Смотрела на него широко раскрытыми глазами, словно его появление было наивысшим счастьем для нее.

От привычки «выкать» и называть его по отчеству майор ее отучил, но она по-прежнему смущалась и заливалась краской каждый раз, когда обращалась к нему.

– Привет, – Калинин заставил себя улыбнуться. Получилось, наверно, криво, подумал он, но Аня заслуживала хотя бы небольшой ласки с его стороны.

– Уже почти все готово, – сообщила девушка, суетливо доставая тарелки из шкафчика, – еще минут десять.

– Тогда пойду мыть руки, – мягко сказал Калинин, не признаваясь в том, что совсем не голоден.

Еще один ее взгляд в его сторону. Красноречивый, полный любви. Эх... Смешная она. А, вернее сказать, маленькая еще, почти ребенок. И, похоже, действительно влюбилась. Этого еще ему только не хватало! Нет, надо срочно разыскать ее отца и воссоединить семейство.

Чтобы не отвлекать Аню от накрывания на стол, Калинин направился в ванную. Вымыл руки, умылся, переоделся в домашнюю одежду, после чего устроился на диване в зале, защелкал пультом. Остатки хмеля почти выветрились из головы, но неожиданно на него напала сонливость. Калинин и сам не заметил, как его веки потяжелели, а потом закрылись. Он провалился в глубокий, но короткий сон. Со сновидениями. Ему снилось, что он занимается сексом. Вернее, это была только прелюдия. Причем, его роль была пассивной, а вот девушка (сверху?!) была очень активна. Пусть не очень умело, но она целовала его в губы, постепенно становясь все смелее и смелее...

В какой-то момент Калинин понял, что это вовсе не сон...

Глава 12

– Все готово, – крикнула Аня в сторону зала, когда тарелка с горячим опустилась на стол. Она окинула взглядом результат своего труда и осталась довольна. Диме должно понравиться.

Но он все не шел. Тогда Аня выглянула из кухни и увидела, что майор спит, полулежа на диване, откинувшись на спинку. Во сне он выглядел расслабленным, не таким неприступным и суровым как обычно. Аню как магнитом потянуло к дивану.

Затаив дыхание, она остановилась от мужчины на расстоянии шага и жадно разглядывала его. Как бы хотелось укутаться в эти сильные руки с длинными пальцами, слегка вздутыми венами, темными волосками на тыльной стороне ладони. Прижаться к крепким плечам и спрятаться от жизненных невзгод на его груди. Почувствовать тепло его рук на своем теле, а на губах – вкус его губ.

Аня и сама не заметила, как очутилась рядом с ним на диване, потянувшись к нему всем телом. Закрыв глаза от нахлынувшего внезапно незнакомого, но очень приятного чувства, она ловила сводящий ее с ума мужской запах – любимый ею аромат его парфюма с привкусом сигарет и намеком на алкоголь. Не таким отвратным, каким всегда благоухала мать, а дорогим, хорошим, вкусным. Не вызывающим отторжения.

В какой-то момент ей показалось, что она чувствует губами его дыхание. Теплое, приятное, щекочущее. Сразу же закружилась голова, и Аня окончательно потеряла контроль над собой. Она понимала только, что ей очень хорошо. Нет, не хорошо, а мучительно сладко, когда где-то внутри что-то сильно, ритмично сжималось в такт поцелуям.

– Поцелуям?! – озарило ее вспышкой стыда, а затем вспышка превратилась в ровное, горячее пламя.

Пламя стыда и позора!

Калинин резко открыл глаза, секунду смотрел на нее недоумевающе, а потом отшатнулся и ее оттолкнул от себя.

Аню словно ветром сдуло с дивана. Инстинктивно отскочив на несколько шагов от мужчины, она все еще пребывала в смятении. Ничего не видела и не слышала. Единственное, что она понимала, это то, что она совершила ужасную глупость, которая может стоить ей хорошего к ней отношения.

– Ань? – позвал ее Калинин, но у нее не хватило смелости взглянуть ему в глаза.

Лицо пылало огнем, в голове шумело, отнимая способность мыслить, и очень хотелось плакать. Поэтому она просто закрыла глаза и тупо молчала.

– Ань, ты чего? – мягко, очень мягко спросил он, без намека на упрек. – Зачем?

Только от этой его мягкости и доброты становилось еще хуже.

– Простите, пожалуйста, – затрясла она головой, все так же не смея поднять на него глаз. – Я... я не знаю, что на меня нашло... – чтобы скрыть свое смущение, она бросилась на кухню.

Он пришел за ней следом и без слов устроился за столом.

– М-м-м, как аппетитно выглядит, – он увлеченно рассматривал сервировку стола и блюда на нем. – А можно мне чаю? – воскликнул так, как будто ему не терпелось приступить к ужину.

Аня поставила перед ним кружку, а сама сбежала к себе в комнату. В буквальном смысле сбежала и не смела выходить оттуда до самого утра. Позволила себе выбраться из своего укрытия лишь раз, чтобы убрать со стола и сходить в туалет, и то только тогда, когда решила, что опер уже крепко спит.

И ночью она плохо спала. Ворочалась всю ночь, постоянно проигрывала эту сцену в зале в голове, отменяла ее мысленно, придумывала другое продолжение. Корила себя, а потом с замиранием сердца гадала, что было бы, поведи он себя по-другому, ответь ей взаимностью.

Утром она проспала, но это и к лучшему – не пришлось за завтраком краснеть, глядя в глаза Калинину. Хватит с нее ночных мучений, а ведь еще предстояли дневные и, хуже всего, вечерние. Впервые Аня желала, чтобы он задержался на работе как можно дольше. Потом напал страх – а вдруг он решит избавиться от нее, прогнать? Зачем ему такая неадекватная жиличка? Одни проблемы от нее...

Когда в обеденное время Калинин позвонил ей и попросил спуститься вниз, Аня занервничала еще больше. Хорошо хоть не сказал: «вместе с вещами». Им предстоит серьезный разговор? Когда он скажет, что между ними нет ничего общего, и никогда не будет никаких чувств? Что она просто глупая дуручка, слишком юная для него, неспособная вызвать в нем мужской интерес? Она знала все, что он скажет ей, и от этого мучилась еще больше.

Но Калинин ее звал не за этим.

– С отцом хочешь встретиться? – ошарашил он ее, как только она вышла из подъезда.

Аня по инерции сделала шаг вперед и остановилась.

– С отцом?! – душивший ее стыд был отброшен в сторону, она наконец-то смогла посмотреть на него.

– Ну да, с отцом, – майор распахнул перед ней дверцу машины. – Я разговаривал с ним сегодня. Он будет рад увидеть тебя.

Как во сне Аня позволила усадить себя в салон и всю дорогу силилась вернуться мыслями в детство, вспомнить хоть что-то об отце. Как он выглядел, как звучал его голос, как он вел себя с ними. Но тщетно – память выдавала лишь обрывочные, туманные воспоминания, и Аня была не уверена, что они правдивы.

Автомобиль свернул на парковку торгового центра, и Калинину снова пришлось «выводить» ее из салона – сама Аня словно потеряла способность самостоятельно передвигаться. И к столику в кафе он вел ее чуть ли не за руку. К столику, за которым сидел незнакомый мужчина возрастом далеко за сорок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.